

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ЧЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ

ТАЙНА КНЯЗЯ
ГАЛИЦКОГО

Честь проклятых

Александр Прозоров
Тайна князя Галицкого

«ЭКСМО»

2013

Прозоров А. Д.

Тайна князя Галицкого / А. Д. Прозоров — «Эксмо»,
2013 — (Честь проклятых)

ISBN 978-5-699-62810-0

Продолжение нового цикла Александра Прозорова, автора легендарных «Ведуна» и «Ватаги»! Убрус – полотенце с отпечатком лика Христа – загадочным образом связывает царского посланника боярина Басаргу Леонтьева с его отдаленным потомком Евгением, который всего-навсего служит аудитором Счетной Палаты. Святыня привлекает как заурядных бандитов, так и агентов иезуитского ордена, которые хотели было лишить православную Русь ее величайшего достояния. И если у Басарги есть крепкий кулак и острый меч, то у Евгения только ум и красивая девушка Катя, которая знает больше, чем говорит...

ISBN 978-5-699-62810-0

© Прозоров А. Д., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Клад царского воеводы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Прозоров

Тайна князя Галицкого

Клад царского воеводы

Пушки ударили еще до рассвета, дырявя мелкими, с кулак, чугунными ядрышками надвратную часовню Важского монастыря. Боярин Щерба Котошкин, вздрогнув, поднял голову, тихо выругался, перекрестился, зевнул, рывком поднялся, шурша сеном, и спрыгнул с телеги на землю. Карасик, нутром ощутив шаги хозяина возле головы, тоже вздрогнул во сне, жалобно застонал и поджал ноги, стараясь скрыться под возком целиком. Пушечная канонада, похоже, холопа ничуть не беспокоила – разве чуток соломы от колес на шапку нагреб, и все.

Боярин хмыкнул, опоясался саблей, застегнул у ворота крючки юшмана.

Небо только-только начинало светлеть, с реки лениво подползал туман, величаво переваливаясь через рубленые стены, затекая в тесный двор размерами всего в три сотни шагов, что в длину, что в ширину, да еще с просторным храмом и трапезной, домом игумена и срубом с кельями. Пробираясь между курятником и коновязью, просачиваясь под составленными у стены возками, туман влажно оседал на броню, острия копий, ободья колес и камни идущей от храма к дому игумена дорожки. Ночная прохлада еще не успела спрятаться от знойных летних лучей, и в войлочном поддоспешнике боярину Щербе было нежарко и удобно.

Воевода, обогнув сруб колодца, подошел к воротам, проверил на всякий случай, хорошо ли стоят подпирающие створки бревна, как лежит поперечный брус, после чего поворотился к одетым в серые рясы и скуфии пушкарям, присевшим за невысокой каменной подклетью, над которой возвышалась левая башня:

– Не задело, святые отцы?

– Высоко бьют литвины, по бойницам над воротинами, – ответил молодой монах, положивший костыль рядом с деревянной ногой, ремни которой как раз приматывал к культе. – Видать, чают еще сегодня прорваться. Опасаются, как бы из часовни кипятка на головы не плеснули.

– Не иначе, зелье огненное им довели, – добавил второй пушкарь, отец Иакинф; сухой, седобородый, с глубоко запавшими серыми глазами. – Не жалеют, ироды. Коли так пойдет, до полудня створки разобьют.

Монахам можно было верить, вояки опытные. Иакинф до пострига в Рязани старшим наряда был, а молодого, Николая, татары в Ельце стрелой достали, когда он пушку заряжал. От раны неудачной нога поперва загноилась, а опосля и вовсе отсохла. Так что иного пути, кроме как в чернецы, молодому ратнику не осталось.

– А где отец Даниил?

– Молится, в часовне, – указал глазами наверх молодой монах.

Снаружи снова жажнули пушки, от часовни по сторонам разлетелась щепка. Воевода Котошкин безнадежно вздохнул.

Третий воин из монастырского наряда недавно принял схиму, вел аскетический образ жизни, молился по восемь часов в день. И, похоже, воспринимал с радостью совсем близко летающие во время славословия ядра – как еще одно душеспасительное Божье испытание.

Отцу Даниилу принять мученическую смерть, может статься, было бы и в радость – да вот боярину Щербе, у которого против семи сотен польских татей под рукой имелось всего тридцать монахов, десять стрельцов, пятеро смердов и один холоп, каждый человек шел на вес золота. Пусть даже старый и немощный. Зато опытный. Сорок лет в осадах и походах до пострига. Вона, о прошлой неделе, лях какой-то в золоченых доспехах и с крылышками зачеч-

то спустился к реке у излучины. Так Даниил его из седла в момент ядром выбил. После чего схизматики ближе полуверсты к монастырю предпочитали не подходить.

Воевода даже понадеялся, что тем все и обойдется: посидят в осаде, оголодают да и уйдут обратно в свою Польшу. Ан нет! Оказывается, ляхи ждали, пока им заряды к пушкам подвезут. Теперича ворота за день точно разнесут. Защитникам этому не помешать. Не те силы.

– И чего им тут надобно? – вслух удивился боярин. – Монастырь-то захудалый совсем. Ни подворья, ни казны, ни припасов особых. Купола без позолоты, на звоннице всего один колокол, постройки все дряхлющие. Издалека видать: нет внутри добычи никакой. Так чего ради животы-то класть?

Полтора десятка татей своих голов на берегах Ваги уже лишились. Трех монахи накрыли дробом из пушки, когда ляхи потребовали открыть им ворота, и еще изрядно ворога стрельцы положили при попытке разбойников набежать с лестницами да стены сразу с трех сторон перелезть. Надеялись, видать, что не хватит защитников на все приступы ответить... Двенадцать тел после того нападения дотемна округ лежало, да опричь того еще полста подраненных убежали сами.

Однако ляхи не уходили искать добычи послабее и подходнее. Сидели и сидели в лагере меж городом и монастырем, ровно приклеенные. И даже тюфяки с порохом, вон, откуда-то подвезли.

Пушки жажнули снова, заставив часовню хрустнуть, заскрипеть и слегка наклониться. Боярин, пользуясь заминкой, торопливо нырнул в башню, выглянул в бойницу рядом с пушечной.

Разбойники, как оказалось, выдвинули свои пушки сажен на двести к монастырю, поставив прямо на дороге между бором и рекой. В клубах медленно поднимающегося дыма они суетливо перезаряжали пушки, то ли чистя стволы, то ли уже прибывая заряд. Прикрывали их от возможной вылазки с полсотни копейщиков, рассеявшихся в лесу меж крупных, вековых сосен. Видать, от пушечных ядер прятались, рисковать понапрасну не хотели.

Увидев все, что хотел, воевода Котошикин выскочил из башни, присел рядом с монахами, спросил:

– А вы чего не палите?

– Зелья маловато будет, боярин, – степенно ответил отец Иакинф. – До приступа обождем. Коли безбожников много побежит, так жребий зараз многих выбьет. Ныне же по одному целить надобно. Да и не во всякого попадешь.

Пушки шарахнули снова, на этот раз по башне. То ли ляхи заметили движение у бойниц, то ли решили, что в часовне никому более не укрыться, и занялись уничтожением укрепления.

– Не завалят тюфяк-то ваш? – кивнул в темный проем боярин. – Может, наружу вынести?

– Схизматики, милостью Божьей, глупы и торопливы, – размашисто перекрестился монах. – Да и ядрышки у них больно малы, сруб-то завалить. Попортят маненько, опосля воротины-то из подпятников¹ выбьют да на приступ побегут. Тут мы по ним маненько и врежем. А коли стрельцы подсобят, так, Бог даст, и отгоним.

– За деревьями до последнего шага прятаться станут. Только на один залп времени и хватит, – закрепив костьль, притопнул им по земле Николай. – Опосля в копья встречать придется.

– И то верно, – согласился старый монах. – В чистое надо переодеться. Ты бы, боярин, тоже о душе подумал. Причастился, исповедался. Без греха отпущенного пред Господом предстать куда как легче.

¹ Подпятники – на протяжении всей истории человечества (а нередко и сейчас) створки ворот делались с выступами по краям, которые опускались в отверстия специальных опор, «подпятников», и поворачивались на них. Дверные петли – сравнительно недавнее изобретение, которое зачастую было неспособно выдержать заданную нагрузку либо просто казалось слишком дорогим.

Словно в подтверждение этих слов, пушки разбойников снова ударили ядрами в подклеть башни.

– Мне бы лучше не грехи, а монастырь сей от ляхов отмолить, – невольно втянув голову в плечи, ответил воевода. – На кресте клялся от ворага его уберечь... И откуда они здесь взялись, проклятущие?! Тыща верст от Москвы, две тысячи от Польши! Как их в эту даль занесло, зачем? Чего они тут забыли?

– Смута... – кратко ответил Николай и рывком поднялся на ноги. – Где их ныне только нет?

– Стрельцы поедят, я их вам во вспоможение подошлю, – пообещал воевода и отправился к дому настоятеля.

Они столкнулись на мощеной дорожке: священник, понурился, брел к себе после обедни, торопливо перебирая четки и что-то шептывая себе под нос.

– Молишься, отче?! – громко поинтересовался боярин Щерба, поравнявшись с отцом Германом.

– Думам предаюсь, сын мой, – вскинул на него глаза настоятель. – О грехах наших и доле, что надлежит принять с надлежащим смирением.

– Пойдем со мной, отче, – позвал настоятеля воевода и повернул к угловой башне, ближайшей к реке. Распахнул жердяную дверь, что висела на полосе толстой бычьей кожи, шагнул внутрь, открыл плетеный люк, обшитый понизу коровьей шкурой. Кивнул на вкопанную глубоко в песок клеть с несколькими бочонками и парой корзин: – Вот, весь наш припас огненный, что остался. Вели его достать да наряду отнести. Пусть пользуют. На место же сие сложи все ценное, что там у тебя под алтарем припрятано, да прочие сокровища монастырские, какие вместятся. Токмо к делу сему приставь монахов самых доверенных и богобоязненных! А опосля к воротам с рогатинами отправь.

– И что потом? – не понял его священник.

– Крышку в клеть пусть вколотят поглубже да закопают сверху! – повысил голос боярин. – Нешто не знаешь, как схроны сии делаются? Закопай да сверху навоза всякого, али сена, или еще чего накидай. А лучше сундуки притащи, мешки с зерном или еще какое добро, что пограбить можно. Тогда глубже рыться не станут. Тут песок везде, в песке тайники не строят. Лучше того башню запалить, когда ворвутся. Но сие выйдет, токмо если живой кто к часу нужному уцелеет.

– Так плохо все, боярин? – Четки застыли в руках настоятеля.

– Осторожность не помешает, отче. Нельзя, чтобы святыни христианские безбожникам в руки попали. Надругаются, опозорят али того хуже... Лучше спрятать.

Священник медленно перекрестился и кивнул:

– Сделаю, боярин. Списки новые в храме оставлю, а святыни все укрою, не беспокойся.

– Песка только не жалейте... – кивнул боярин Щерба, задумчиво оглаживая бороду. Повел носом на соблазнительный запах свинины с гречкой, недовольно рывкнул: – Карасик! Ты где?

– Несу, боярин! – отозвался из дверей трапезной холоп, двумя руками удерживая объемистую миску.

За прошедшие годы слуга заметно изменился. Скуластый безусый мальчишка раздался в плечах, обзавелся мелко вьющейся рыжей с проседью бородой, лицо покрылось морщинами. На вид – лет пятьдесят, не менее. Прежними остались лишь глаза: карие и хитро прищуренные, с длинными черными ресницами. Одет он был в байдану из крупных – палец в отверстие пролезет – колец, в коричневые свободные шаровары и смятые в гармошку почти до щиколоток сапоги.

– Вот, горяченькая, с пылу с жару. – Подбежав ближе, холоп растерянно закрутился, свернул к поленнице, поставил миску на край, придвинул посеченный поверху чурбак и отступил в сторону, приглашая к угощению: – Милости прошу, боярин!

– Давай... – Расстегнув поясной чехол, воевода достал серебряную с чеканкой ложку, сел на колоду, переставив миску на колени, зачерпнул несколько ложек – и отставил обратно на низкую поленницу: – Не хочу, заberi. Кусок в горло не лезет.

Холоп такому пренебрежению только обрадовался и стал наворачивать кашу сам. Воевода же рывком поднялся, вошел в башню, по лестнице, поставленной внутри, поднялся наверх, на площадку. Стрелец, сидевший до того на краю перил, привалившись к угловому столбу, увидев командира, рывком поднялся, подпернул пищаль, поставил перед собой.

– Что у тебя тут? – Боярин тоже облокотился на столб, поверх которого когда-то должна была лечь кровля, да теперь, похоже, не судьба. Вид с высоты сосновых крон открывался красивый. Купола церквей в далекой Ваге, что стояла в десяти верстах выше по реке, смолистые боры окрест, знойными днями испускающие столь едкий запах, что в горле першило, извилистое русло, испещренное вытянутыми песчаными отмелями.

Песок, песок, везде песок. Ни рва из-за него не выкопать, ни стены им не замазать, ни погреба в нем не вырыть... Одно хорошо – колодцы делать легко, да вот воду из них вычерпать невозможно. Струится из стен, ровно через решето.

– Поутру костер тати запалили, – доложил караульный. – Те, что ниже по реке дозором стоят. Приглядывают, чтобы не сбежали. Вестимо, и поближе к стенам кто-то таиться может. И под берегом, и в лесу. Но тихо сидят. Опасаются, чтобы из пищали не стрельнули. Я наемни одного подбить пытался, да токмо промазал. Далеко.

– Под берегом? – глянул вниз боярин Щерба, скользнул взглядом вверх по течению. – Под берегом – это мысль... Молодец!

Он шустро скатился по ступеням вниз, едва не сбив с ног чернецов, уже почти освободивших крохотный пороховой погреб, схватил одного за плечо:

– Гвозди у вас в обители есть? Штук пять, в четверть пальца толщиной. – Воевода слегка развел пальцы, показывая нужный размер.

– Э-э-э... – почесал в затылке монах и кивнул: – Отец Никодим у нас за плотника. Должен иметь.

– Неси! Скажи, я велел. И молоток тяжелый прихвати... – И боярин ободряюще прихлопнул монаха по спине. – Давай, шевелись, отче! Утро уходит, можем не успеть. А вы чего, еще не наелись? – развернулся он к стрельцам, что степенно, не спеша, опустошали всемером один общий котелок. – Хватит брюхо набивать, пора за службу браться. Четверо охотников мне надобны для дела опасного, но зело важного. Решайте, служивые, кто удалю превыше прочих горазд будет?

– О, Тимофей, то по твою душу воевода пришел! – Тут же выпихнули вперед парня лет двадцати двое таких же молодых стрельцов. – Ты ведь вчерась о славе великой сказывал?

Они довольно заржали, видимо, вспоминая разговор.

– А чё, и пойду, – передернул плечами остроносый воин, все лицо которого усыпали яркие веснушки. Кафтана на нем не было, и сквозь плотно стянутую за спину и заправленную в шаровары рубаху проступали ребра. Всем своим видом стрелец напоминал годовалого волчонка: длинномордого, вечно голодного, любопытного до храбрости, быстрого, но неопытного. – Чё делать надоть, боярин?

– Чё-чё? – поддразнил его Щерба Котошкин. – Знамо че. Ляхов бить. А вы, ухари веселые, чего мнетесь? Нешто бросите друга своего?

Молодые стрельцы переглянулись, один пожал плечами, другой тоже, старательно облизал ложку. Первый согласно кивнул:

– Знамо, пойдём, воевода. Надо же приглядеть, чего там Тимоха среди басурман наворотит?

– То не басурмане, то схизматики поганые, – поправил их пожилой стрелец, длиннобродый, в полувыцветшем зеленом кафтане с нашитыми на груди воронеными железными пластинками и в такой же потертой шапке. – Сказывают, за каждого ляха убитого Господь пять грехов прощает. Так что я с вами пойду. Молиться так и не научился, а о душе думать надобно.

– Пищали не понадобятся, токмо бердыши и сабли берите, – кратко распорядился боярин. – Собирайтесь и к береговой башне подходите.

Монастырь, конечно, не был крупной крепостью. Скорее вообще никакой крепостью не являлся. Однако все необходимое для обороны в нем имелось. В том числе – и «тайничная башня». Или, точнее, тайный ход, предназначенный для того, чтобы незаметно выпустить или принять гонца, лазутчика, иного важного человека. В Важском монастыре тайник этот находился возле самой прибрежной башни, прикрытый с одной стороны стеной, с другой – углом башни. Напротив же, из-за реки, и смотреть сюда некому. Секретную калитку делать не стали. Просто в одном месте бревна стены расходились чуть шире, а плаха меж ними, подпертая изнутри, легко отодвигалась. Так оно было даже лучше. Знающий знает, а чужаку не видно.

Первыми наружу прокрались воевода с холопом, сразу спустившись к реке и затаившись под берегом. Следом спустились стрельцы, из-за жары не надевшие кафтанов: супротив пуль и копий от них все одно толку немного.

Шестеро храбрецов, таясь по мере сил, чуть не ползком продвинулись вдоль пологого песчаного берега на четверть версты вверх по течению, чуток передохнули, дожидаясь удобного момента, а когда пушки дали по монастырю очередной залп – резко поднялись и рывком одолели два десятка шагов до дороги.

Пушкари, утонувшие в клубах дыма, не успели даже понять, откуда на них обрушились огромные лезвия в виде полумесяца, глубоко рассекающие тела и смахивающие головы. Несколько жалобных вскриков – и все было кончено.

Боярин Щерба в схватку не вязывался. Подскачив к ближнему стволу, он приставил гвоздь к горячему еще запальному отверстию и несколькими ударами загнал его туда на всю длину. Стрельцы еще добивали последних пушкарей, когда он перебежал ко второй пушке и стал заклепывать запальник в ней.

Дым рассеивался не спеша, но странный шум все же привлек внимание польских копейщиков. Некоторые из них поднялись, подошли ближе... И ринулись вперед, криком поднимая тревогу:

– Ру-усы-ы-ы!!!

Под нарастающий лязг железа воевода что есть мочи заклепал гвоздем запальник последней пушки и с облегчением метнул молоток в сторону напирających разбойников: все, теперь можно погибать. Пушки отныне годились только в переплавку: выбить из бронзы железный клин не то что таям, кузнецу не под силу. Проще новое отверстие высверлить. А сие нигде, кроме как в крупной мастерской, на станках с водяным приводом, не сделаешь. Без пушек же ляхам монастыря и за год не взять. Народу в обители мало, а погреба у братии солидные, с голоду в осаде не опухнут.

– Ну что, пся крив?! – закричал воевода, выхватывая саблю. – Иди сюда, головы стричь буду!

Его клич утонул среди других криков и лязга. Копейщики уже успели собраться изрядной толпой и напирали на горстку храбрецов. Трое стрельцов – один, похоже, уже сгинул – перехватили бердыши ближним хватом и не столько сражались, сколько пытались закрыться широкими лезвиями от множества пик. Карасику было чуть легче – он пришел со щитом. Однако от его сабли толку было мало.

Защитники быстро пятились, не в силах устоять перед напором поляков, те норовили попасть своими пиками стрельцам в лицо или ноги – Щерба же, пригнувшись, нырнул под щит холопа, подбив его вверх, оказался под древками копий и широкими взмахами вправо и влево, насколько мог дотянуться, рубанул ноги чуть ниже колен. Схизматики, падая, завопили. Их товарищи, что напирала сзади, стали спотыкаться и падать сверху. Пользуясь возникшей заминкой, воевода отскочил, махнул стрельцам рукой:

– Уходим! Вместе держаться, вместе! – Развернувшись, они пробежали сотни полторы шагов, когда боярин приказал: – Слушай меня! Стой, развернулись!

Как воевода и ожидал, поляки в своей погоне растянулись. Кто слабее – отстал, кто сильнее – был уже почти за спиной, но внезапный отпор их огорошил.

Стрелец слева, перехватив бердыш за низ ратовища, не просто повернулся, он еще и оружие разогнал в стремительном замахе. Попавшийся ему под клинок разбойник попытался закрыться древком, но столь сильного удара не выдержал, руки слегка согнулись, и лезвие достало до плеча, впившись в тело почти на ладонь. Карасик поймал пику ближнего поляка на щит, клинок сабли скользнул вдоль древка – и отсек врагу кисть руки. Щербе повезло: на него никто не кинулся. Однако разбойники набегали – отбиваясь, русские воины волей-неволей сдерживали шаг.

– Пятимся, пятимся! – закричал воевода. – Шире расходитесь, чтобы не обошли.

Узкая дорога, слева река, справа лес. Если повезет...

– Сдохни, москаль! – Босолицый лях в грязной, закопченной одежде с разбега ударил боярина копьем в грудь, но Котошкин, повернувшись и чуть отклонившись назад, пропустил наконечник по нагрудным пластинам юшмана, вдобавок еще, перехватив древко, дернул его к себе – и разбойник сам напоролся горлом на его клинок. Второй оказался шустрее, при взмахе сабли наклонился. Голову спас, но по пальцам лезвием схлопотал и завыл, кружась и забыв о сече. И мешая своим – так что добивать его воевода не стал, еще раз крикнув:

– Пятимся! Пятимся, други!

– О, господи! – Левый стрелец пропустил укол в ногу, упал на колено, и ему в бок впились сразу три копья. Белоснежная рубаха мгновенно стала красной и влажной, несчастный обмяк. Щерба же не мог даже сквитаться – до убийц ему было не достать.

– А-а, проклятье! – Карасик, оступившись, кувыркнулся через спину вниз к воде. Двое поляков мигом метнулись следом, но их пики вонзились в щит, которым успел укрыться холоп. Блеснуло понизу лезвие, подрубая щиколотки – и шельмец, подпрыгнув, прямо по воде со всех ног дал драпака к крепости, высоко вздымая брызги.

– Хоть кто-то ушел... – быстро отступая, пробормотал боярин. На него напирала сразу пятеро ляхов. Щерба насилу успевал отбивать стремительные уколы то вверх, то в сторону. Отвечать смысла не имело. Сабелькой до копейщика, увы, не достать. А извернуться, обойти, поднырнуть места уже не осталось.

Вскрикнул еще один заколотый стрелец. Русских на дороге осталось двое. И живы они были только потому, что разбойники, ощутив себя в безопасности, уже не сражались, а забавлялись, жая быстрыми уколами, болезненными, но несмертельными.

– Вот и прославился... – пробормотал стрелец и всхлипнул. – Боярин, нас убьют, да? Убьют?

Рубаха и шаровары его были в крови. Паренек, похоже, в душе уже сдался, не отбиваясь, а только прикрывая бердышом грудь и лишь болезненно охая при каждом новом уколе.

– Никак ты, Тимоха? – узнал молодца воевода. – Что поделывать, судьба. Придется умереть. Для того люди ратные и рождаются, чтобы живот свой за землю русскую отдавать. Пора и нам...

Боярин Щерба Котошкин опустил бесполезную уже саблю, снял с головы шлем и перекрестился:

– Прими, Господи, душу грешного раба твоего...

Грохнул выстрел. Чугунное ядро, сладострастно чавкнув, прошило тела столпившихся перед ним разбойников. В стороны брызнули кровь и мясо. Кто-то закричал, кто-то шарахнулся, кто-то молча повалился. Воевода, левой рукой сграбастав Тимоху за ворот, рванул его на себя, увлакивая в сторону монастыря, правой рубанул выжившего зачем-то поляка, сжимающего в руках обломок копья, еще одного ткнул кончиком сабли, упал, увлекая за собой парня.

Тут же часто загрохотали выстрелы, легко находя себе добычу в плотной толпе разбойников. Ляхи шарахнулись по сторонам в поисках убежища – но кто-то из них мстительно ткнул копьем в чудом спасшихся защитников обители. Тимофею повезло, боярину Щербе нет – острое, порвав кольца юшмана, прошло между пластинами и вонзилось куда-то в край живота. Вонзилось почти небожно – издевательские мелкие уколы были куда неприятнее. Или, может, он уже привык?

Пушка монастыря грохнула еще раз. Боярин Щерба закрыл глаза и пробормотал:

– Да благословит тебя Господь, отец Даниил. Век за тебя молиться буду.

– То не Даниил, боярин, то я, – прошептал в ответ Карасик. – Сейчас я тебя вытащу. Тут уж совсем чуток осталось. Быстро дотяну.

– Шлем не забудь, отцовский, – ответил ему воевода, роняя голову на песок... и с огромным облегчением проснулся.

Немного полежал в постели, приходя в себя, потом откинул край одеяла, посмотрел на свой бок. Живот с правой стороны, чуть выше бедра, сильно покраснел, намекая на возможность кровоподтека. Однако раны, разумеется, не было.

– Спасибо, на этот раз хотя бы не убили...

Евгений Леонтьев потер виски, поднялся, отправился в душ, под горячие упругие струи, быстро приводящие его в себя.

Подобный яркий сон был у него не первым. Причем он каждый раз был боярином Щербой – поначалу отроком, потом новиком, сотником. Теперь, вот, воеводой стал. Правда, над гарнизоном всего в десять человек. Но все равно – воевода в крепости. Холоп, однако, ото сна ко сну выросл заметно. Прямо как в жизни. Прошлый раз возле Нарвы шведов били – ему лет двадцать было. А сейчас, почитай, сороковник, не менее.

Смущало только то, что сражались они возле Важского монастыря. Того самого, что раз за разом всплывал в его попытках найти древнюю школу. Между тем находился этот монастырь у черта на рогах, триста верст за Вологдой, на одном из притоков Северной Двины. Откуда там могли взяться польские разбойники?! Нет, понятно, что во сне может случиться все что угодно... Однако же раньше видения были куда правдоподобнее. Он им почти верил.

– Северная Двина... Поляки... – выбравшись из душа, отерся полотенцем Евгений. – Бред или не бред?

Вернувшись в комнату, он выдернул провод динамиков из системного блока, чтобы радостный клич проснувшегося компьютера не разбудил в соседней комнате мать, нажал кнопку выключателя, отправился на кухню, заправил кофеварку, запустил. Пока аппарат бухтел, разогревая воду, вошел на форум исторического сайта, открыл свою ветку и спросил:

«Кто-нибудь знает, поляки на Северной Двине с нашими когда-нибудь воевали?»

Быстрого ответа он не ждал: семь утра все-таки. Однако, принеся к компу чашку горячего кофе, Евгений с удивлением обнаружил, что Староверу тоже не спится. Под заданным вопросом уже подсвечивался красной галочкой ответ:

«Парень, тебя чего, в Гугле забанили? В тысяча шестьсот тринадцатом году, в Смутное время, поляки приперлись грабить Важскую землю. Через год были биты холмогорским воеводой и частью удрали, а частью осели на земле крестьянами. Наверное, у них случился острый приступ совести. Вместо того чтобы ломать и жрать – захотели строить и выращивать. А может, местным воздухом отравились? Чай, Двина – это вам не Польша зачуханная. Раз увидев, уезжать уже не захочешь».

– Опять Вага! – удивился Леонтьев, отхлебнул ароматного зелья и настучал ответ:
«Откуда они там взялись, в такой глуши?»

«Парень, у тебя проблемы с восприятием информации? – почти сразу отозвался Старовер. – СМУТНОЕ ВРЕМЯ!!! Поляки много где в те годы пошлялись, пока пинка не схлопотали. И в Поволжье отметились, и на Двине, и на Украине, и на Онеге».

Женя задумчиво почесал в затылке, пробежался пальцами по клавишам:

«А Важский монастырь они захватили или нет?»

В этот раз Старовер не отвечал довольно долго. Сообщение от него возникло лишь в половине восьмого:

«Нет никакой информации. В тамошних источниках указано только, что семь тысяч поляков засели возле Ваги, иногда делая набеги на другие окрестные места. Про монастырь отдельно не пишется ничего. Может, тогда его просто еще не существовало?»

«Он там с середины пятнадцатого века стоит!» – уж что-то, а дату основания таинственной обители Женя Леонтьев помнил назубок.

«Тогда странно...» – удивился Старовер.

«А не связан ли интерес уважаемого Ревизора к монастырю с небезызвестным полотенцем, которым он интересовался ранее?» – внезапно вклинился в их беседу Техник.

«Почему ты так решил, мужик?» – моментально откликнулся Старовер.

«Поляки пришли воевать, а вместо этого стали вдруг нормальными людьми и осели на землю. Нигде в других местах приличного поведения за ними как-то не замечалось. Если предположить, что они попали под воздействие священной реликвии, это объяснимо. Иначе подобное поведение покажется странным. Или у вас имеются другие предположения?»

«Ха-ха-ха! Авиатехник и материалист верует в колдовское влияние убруса на людей! – тут же отреагировал Старовер. – Дайте адрес вашего парткома, я сегодня же напишу донос!»

«Я технарь, а не язычник. Меня интересуют только факты. Если признаки воздействия существуют, то они есть. Если нет, значит, нет. И мне плевать, если факты противоречат вашим верованиям. Хоть христианским, хоть марксистским».

«А они есть?»

«Кто?»

«Факты!»

«Так за фактами не ко мне. Это ваш юный друг насчет Важского монастыря беспокоится».

«Наш юный друг, похоже, уже давно забыл и про нас, и про убрус, и про всех монахов, вместе взятых. Так что факты вам придется выпытывать у кого-нибудь другого».

«Думаю, ваш юный друг вас развел. Ему понадобились исторические факты для какой-нибудь курсовой работы, и вместо того, чтобы отсиживать зад в библиотеках, он просто маленько вас раздражил, мой дорогой Старовер, и получил все необходимые ему факты на блюдечке».

«Я никого не разводил, – не выдержав, вмешался в их перебранку Евгений. – Просто мне сон об этом монастыре приснился. Несколько раз слышал, что подобные сны считаются вещими. Вот и поинтересовался».

«И чего получилось? На правду похоже али глупость примерещилась?» – спросил Техник.

«Поляки совпали, а насчет монастыря, не знаю. – Леонтьев подумал и добавил: – Если там под угловой башней закопан клад, то вещие сны и вправду случаются».

«Так надо съездить и посмотреть», – предложил Старовер.

Женя почесал в затылке. Подобная мысль ему в голову не приходила. Все же сон – это всего лишь сон. Однако, если вспомнить, что у Леонтьева после давешнего сотрясения мозга образовался почти месяц больничного – то почему бы и нет? Тем более что вокруг странной

обители творилось так много таинственного. Правда, тут имелся один неприятный момент... Леонтьев поправил клавиатуру на столе, быстро заработал клавишами:

«Я даже не знаю, где он находится?»

«Зато я знаю, – моментально ответил Старовер. – Хочешь, покажу? Но тогда клад пополам».

Сообщение завершал веселый смайлик.

«Это был просто сон», – вздохнув, напомнил собеседнику Евгений.

«Он хочет забрать все себе, Старовер, – тоже со смайликом предположил Техник. – А давай плюнем на него и поедem вдвоем? Согласен пятьдесят на пятьдесят?»

– Вот прохиндеи! – улыбнулся Леонтьев и сообщил: «Только я знаю, где был тайник!»

«Уже нет, – напомнил ему Техник. – Угловых башен больше четырех не бывает. Найдем. Хотя с тобой было бы проще. Предлагаю десять процентов».

Женя рассмеялся шутке и ответил в том же духе:

«Облом! Я в отпуске и успею первым. Поеду завтра утром. Но если кто хочет, могу прихватить за компанию. С меня бензин и пиво, с вас дорога. Отчаливаем в десять от метро «Ботанический сад», проезд Серебрякова. Темно-синий «гольф» номер семьдесят два пятьдесят шесть. Кто не успел, тот опоздал».

«Я подумаю», – тут же пошел на попятную Техник.

«А я поеду, – ответил Старовер. – Надеюсь, до завтра не передумаешь, Ревизор».

* * *

Андигинский волок, проложенный от Ветлуги к реке Юг, оказался на удивление оживленным – боярину Басарге Леонтьеву и его побратимам по Арской башне пришлось даже записываться в очередь к артели, что вытягивала струги, ладьи и ушкуи из воды и перекачивала по сбитым плотно один к другому брусам через длинный пологий холм.

К счастью, при волоке имелось сразу три харчевни, что позволяло путникам в ожидании своего часа поесть горячих разносолов и запить их бражкой, медом или вином в зависимости от желания и тяжести кошеля. Четверо бояр предпочли самую простенькую и недорогую, заняв один из столов, поставленных на вершине холма под парусиновым навесом, возле небрежно огороженных плетнем печей. За печами уходил под землю обложенный дерном крутой ход в погреб – и это было единственное долговременное сооружение.

Хотя, оно и понятно – зимой волок все равно не работал и нужды в трактире не имелось, а летом можно и полотняной крышей обойтись. Зато тяжелых, прочных столов, врытых в землю, тут было аж полтора десятка, вдоль которых стояли не менее монументальные скамьи из расколотых надвое сосновых стволов.

– Чего желаете? – подскочил к первым гостям пустующей пока харчевни шустрый половой. – Вот стол самый удобный. – Он деловито смахнул полотенцем со столешницы редкую хвою, нанесенную ветром. – Отсель сразу увидите, как ваш корабль от схода возьмут и наверх затянут. А как до воды спустится, аккурат к нему и подойти сможете.

– Здесь, так здесь, – потянулся могучий боярин Тимофей Заболоцкий, шелестя кольцами спрятанной под епанчой² кольчуги. – Ой, кости все затекли от долгого сидения. Не поверите, дрова страсть как поколоть хочется!

– А и я бы не отказался! – кивнул Илья Булданин, ростом доходящий побратиму едва до подмышки. – Да и жарко еще...

² Епанча – матерчатый плащ. Со времен Петра I так стал называться опять же плащ, но коротенький, форменный офицерский.

– То есть меду стоячего вам из погреба холодного принести?! – моментом сообразил половой.

– Неси! – согласно махнул рукой Басарга, а боярин Софоний Зорин добавил:

– Сперва попить, потом остальное выберем.

– Сей момент! – сорвался с места слуга, и боярин Тимофей с облегчением отер тыльной стороной ладони пот со лба:

– За что же ты нас, друже, в железе и поддоспешниках томишь? Зной который день стоит, спасу нет, а мы ровно для зимнего похода снаряжены.

– Потерпите, братья, чуть-чуть осталось, – попросил боярин Леонтьев, ныне царской волей ставший подьячим Монастырского приказа. – Рази забыли вы, как чужаки на двор наш с мечами вломились? Как меня на дороге живота лишить хотели? Поручение исполним царское, опосля отдохнем от души.

– Экий ты! – укоризненно покачал головой Илья Булданин. – На государя ссылаешься, а в чем воля его, не сказываешь.

– И не надобно, – тихо посоветовал боярин Зорин. – От излишнего знания голова порой больно тяжелой становится. Зело быстро с плеч слетает. Прогневался на побратима нашего Иоанн Васильевич и прогневался. Нашей дружбе страдать от того резона нет!

– От оно, с ледника даже нашел, – в стремительном разбеге примчался к ним слуга, выставил на стол вырезанные на немецкий манер деревянные кружки, водрузил на край увесистый бочонок и, опять же по немецкому обычаю, на глазах у посетителей вбил в донышко медный кран. – Три года настаивался, вас ждал! На липовом меду да с яблочной закваской!

Мед, даром что холодный, оказался неожиданно жидким, чуть кисловатым и зело шипучим. Но перегревшимся путникам именно такой и пришелся более всего по душе.

– Борщ есть вчерашний, холодный из погреба, – оценив состояние гостей, предложил слуга. – Щи тоже вчерашние, но нестылые, окуни копченые, пескари жареные, щука фаршированная, уха из щечек судаковых с шафраном, налим тушеный, белорыбица заливная, векошники из пластиц...³

– Что у тебя все рыба да рыба? – недовольно поморщился Илья Булданин, потирая ладонью рукоять сабли. – Устали мы с дороги. Убоины нам хочется запеченной, да чтобы горяченькая и с жирком!

– Дык ведь среда, боярин, – развел руками половой. – Постный день. Мало кто берет. Коли велишь, приготовим, честь по чести над углями жарим. Да токмо обождать придется. А рыбное все хоть сейчас неси да на стол ставь!

– Борщ и щуку, – не стал долго привередничать боярин Заболоцкий.

– И мне того же, – кивнул Софоний Зорин.

– И мне, – присоединился к побратимам Басарга.

– Ну, тогда и я то же самое поем, – смирился Илья, опрокинул в себя остатки меда и добавил: – И еще бочонок тащи. Этот, мыслю, сейчас закончится.

Он разлил мед по кружкам, и путешественники с наслаждением выпили.

На взгорке под матерчатым навесом действительно было хорошо. Полотно уберегало от жаркого июньского солнца, ветерок освежал, а от крайнего стола открывался прекрасный вид на волок, построенный меж двух обширных топей.

Рыхлая болотина позволила местным смердам вырыть под склоном холма довольно просторную гавань, легко вмещавшую пять-шесть ладей. Дубовые сходни двумя массивными брусьями уходили в воду, и работники как раз сейчас заводили на них темный, словно обожженный

³ Векошники – открытый пирог, в который в качестве начинки сваливались остатки всякой еды: грибы, рыба, мясо, сыр и т. д. Сегодня полным аналогом векошника можно считать пиццу. Пластицы – рыба, нарезанная тонкими ломтями, пластинами. Все вместе: популярный в XVI веке скоромный пирог с рыбным ассорти.

в костре, и лохматый от набитой между досками пакли ушкуй. Растянув на двух привязанных к носу веревках, подправляя длинными жердинами, пятеро потных, бритых наголо мужиков загнали корабль в нужное место, намотали веревки на торчащие из воды бревна, обитые кожей, дали отмашку – и паренек наверху огрел прутом пару волов, привязанных на упряжке к концу длинной слеги. Волы медленно пошли по кругу, и тут же закрутился ворот на вершине холма – видимо, соединенный со слегой невидимым от харчевни приводом. Ушкуй вздрогнул, пополз из воды, показавшись на свет целиком. Стало видно, что ползет он не сам по себе, а на деревянных салазках, утяжеленных по краям валунами.

К тому времени, когда слуга принес боярам угощение – салазки с грузом успели преодолеть уже половину пути до перевала холма. А когда бояре допили второй бочонок – они уже стояли наверху, и артель волочильщиков перецепляла канат, чтобы начать спуск ушкуй к Юге. Под откос корабль скатился и вовсе стремительно, глазом никто не успел моргнуть, и пока путники доели борщ и щуку – работники успели поднять на перевал крутобокую ладью с оскаленной лошадиной головой на носу. Вырезанной из дерева, разумеется.

– Сейчас и нас поволокнут, – удовлетворенно кивнул боярин Булданин. – Ну что, еще по одной и в путь?

Ладья, раскручивая ворот, заскользила по блестящим от сала брусьям, с шумом и плеском вошла в темную торфяную воду заводи, подняв высокие волны и широко раскачиваясь с боку на бок. В какой момент артельщики успели размотать привязные веревки, Басарга не заметил – но судно, не задержавшись на салазках ни на миг, откатилось к берегу напротив.

На струге забегал, засуетился Тришка-Платошка, перед отъездом тоже обривший голову и купивший яркую атласную рубаху бирюзового цвета. Холоп принял от волочильщиков веревки, отмотал свою, причальную, отступил, чтобы не мешать. Прочих холопов видно не было. Вестимо, в каюте дрыхли, пока хозяев нет.

Этот маленький кораблик боярин Леонтьев купил по случаю. Хотел нанять какое-нибудь судно, чтобы добраться до Ваги, и наткнулся у причалов на татарина, что попытался продать купцам свой «каяк» – как он называл тесовую лодку примерно пятнадцати шагов в длину и трех в ширину, почти на всю длину обшитую сверху кожей. Басарга прошел бы мимо за ненужностью, да холоп радостно крикнул:

– Глянь, боярин! Струг, как был у моего отца. Токмо наш открытый.

Этим все и решилось.

Платон, выросший на Шексне, управлялся с лодкой неплохо, в безветрие четырех весел вполне хватало, чтобы идти даже против течения. Единственным недостатком оказалось то, что в каюте, спрятанной под крышей из кожи и кошмы, было всего две лежанки. Бояре, опасаясь нападения, спали на них по очереди. А вот холопам приходилось дремать кому где получится. А ныне, похоже, они пользовались удачным моментом, чтобы вытянуться на тюфяках во весь рост.

В гавань вошел еще один ушкуй, приткнулся носом к влажному торфяному берегу, и корабельщики скинули сходни. На сушу, опираясь на посох, спустился чернобородый монах в черной с синим отливом рясе, опоясанный толстой матерчатой лентой с серебряными наколочниками. Размахисто перекрестился, жестом позвал за собой оставшихся на палубе людей. Видать, был на судне за старшего. Бритую голову служителя Господа укрывала черная тафья с бисерной вышивкой, из-под подола выглядывали глянцевые носочки хорошо начищенных сапог. Посмотрев, как сноровисто артельщики играючи разместили струг на полузатопленных салазках, монах указал посохом на харчевню и вслед за попутчиками отправился наверх.

Вскоре под пологом стало шумно и тесно. Два десятка путников простонародного вида заняли целых четыре стола: некоторые сразу стали кричать в сторону кухни, чем хотят подкрепиться, другие требовали браги и пива, третьи спрашивали, что у хозяев имеется. Половые,

каким-то непостижимым образом разбираясь в этом гомоне, спешили вынести на столы глиняные кувшины и деревянные миски, блюда с жареной рыбой и лотки с заливным.

Самым последним, не торопясь и с достоинством, к харчевне поднялся монах. Выглядел он отнюдь не старым: голубые глаза, густая и черная, но подозрительно короткая и ровная борода, причем тщательно вычесанная. Словно служитель Божий вопреки обычаям ее подстригал, не боясь небесной кары. Кожа лица была гладкой, однако вокруг голубых глаз и на руках были заметны морщинки.

– Сюда иди, отче! – окликнули монаха сразу несколько шумных путников. – Мы тебе тут место заняли, батюшка! Мы тебе меда заказали холодного! Не побрезгуешь по корцу с каменщиками опрокинуть?

Похоже, среди простолюдинов священник успел заслужить немалую любовь и уважение.

– Отчего не выпить с добрыми молодцами, людьми православными. – Монах занял отведенное ему место на отдельной скамье, у центрального стола, поднял налитую до краев кружку, степенно кивнул: – За мастерство ваше, дети мои!

– Любо игумену, любо! – дружно и весело ответили каменщики, зашевелились: – Дозволь угостить тебя, батюшка? Чего к столу желаешь?

– Да ушицы рыбьей похлебать, мне более и не надобно.

– Уху! Уху! Уху! – вразноголосицу закричали суевающимся у печей стряпухам ремесленники.

Легкий струг побратимов тем временем уже поднимался по склонам. Быки, бредущие по кругу, его веса, похоже, и вовсе не замечали, а пятерка артельщиков заметно отстала от убегающих салазков.

– А чего там с бабой этой далее было, отче? – подливая монаху меда, поинтересовался молодой кудрявый каменщик в красной косоворотке и зеленых шароварах.

– Это, с княжной той страшенной? – переспросил святой отец. – То, не поверите, случай вышел просто сказочный...

Басарга, выпрямившись, стал прислушиваться к разговору. Бояре Илья и Софоний с тревогой переглянулись, Тимофей Заболоцкий тихо выругался себе под нос. Монах же хлебнул хмельного меда, пригладил свою короткую ухоженную бородку и продолжил хорошо поставленным на молебнах голосом:

– Приехала этим годом в Кирилло-Белозерскую обитель княжна одна московская. Уж не ведаю, чем она либо родители ее Всевышнего обидели, однако же видом своим страшна была до нестерпимости. И рябая, и пучеглазая, и тощая, ровно Кощеева невеста, прости меня, Господи. И вы представляете, какой милости она вымолить в сем святом месте пожелала? Любви запросила от добра молодца, да чтобы честной была и бескорыстной!

Ремесленники с готовностью расхохотались, однако монах остановил их взмахом руки:

– Да что же вы ржете, окаянные?! Грешно разве девице юной любви страстной возжелать? Не о том сказываю, о другом речь веду! Угадайте, чем Всевышний на молитвы ее ответил?

– Слепого послал? – тут же догадался один из каменщиков.

– Старика ветхого? – предположил другой.

– Урода такого же, как сама она?

– Больного лишайного?

– Нет, дети мои, даже таких молодцев не смог сыскать для нее Господь на всем белом свете, – уныло развел руками священник. – Настоятель Федор поведал, что Всевышний ее через месяц лучшим местом в свите царской возвысил. Откупился по немощи, ибо молодца для такой бабы даже ему найти не по силам оказалось!

Ремесленники зашлись в оглушительном приступе смеха.

– Наверное, надо... – не выдержал подобного поругания даже миролюбивый обычно Тимофей.

Илья только ослабилась и подтянул к себе за краник опустевший бочонок.

Басарга поднялся молча, быстро пробрался к столу рассказчика, аккуратно вынул из рук монаха кружку, снял тафью с его головы и вылил мед на бритую макушку. В наступившей тишине ласково поинтересовался:

– Еще чего рассказать не хочешь?

– Ах ты гнусный прыщ! – Божий слуга вскочил, подхватил посох и попытался с размаху огреть боярина по голове. Но на близком расстоянии сделать это оказалось непросто: Басарга легко отклонился и с наслаждением вогнал кулак в темную бородку. Святоша кувыркнулся через скамью, но почти сразу сбоку заорали: «Бей его!!!» – и досмотреть, как там выглядит монах после преподанного урока, боярин не смог.

Басарга, оборачиваясь на крик, успел увернуться от кулака, снизу вверх ударил в ответ, после чего сзади навалились сразу несколько каменщиков, хватая за руки и за шею, еще трое, мешая друг другу, принялись бить его спереди, но не очень успешно: лицо почти до глаз закрывали лапы висящих сзади ремесленников, а ударов по телу боярин Леонтьев почти не ощущал. Броня и поддоспешник пришлись как нельзя кстати.

Сбоку в толпу врезался Илья Будданин, колотя бочонком куда придется, и отвлек на себя несколько человек, сзади подступил Тимофей Заболоцкий и по очереди оприходовал каждого из висящих на Басарге смердов могучим кулаком по макушке. После такого каменщики сразу обмякали и сползали вниз. Боярин Леонтьев, почуяв облегчение, ринулся вперед, опрокинув увлекшуюся тройку ремесленников и вколотив каждому нос в лицо. За спину он больше не опасался – на Тимофея Заболоцкого простолюдины хоть и напрыгивали, но с опаской, одолеть не надеялись.

Из-под стола наконец-то выбрался монах, вскинул посох, удерживая хватом посередине – и тут в драку вмешался боярин Софоний, громко рявкнув:

– А ну, ш-ша!!! – и взмахом сабли разрубил принесенную служителю Божьему миску с ухой. – Охлонись!

Блеск обнаженного клинка подействовал на драчунов отрезвляюще – махать руками они перестали, хотя кулаки все еще и сжимали и поглядывали друг на друга с ненавистью.

– Стыдись, святой отец! – покачал головой боярин, глядя на монаха. – В игуменах ходишь, а треплешься, ровно баба базарная! Как можно в звании твоём о женщине набожной пакости всякие прилюдно сказывать? И вы тоже, люд православный! Нешто нехристей на ваш век не хватает, меж собой драки затеваете?

– А ты кто таков, чтобы меня стыдить, человек? – повел посохом в его сторону монах.

– Боярин Зорин я, сирота московский. Софонием в церкви нарекли.

– Сирота... – хмыкнул святой отец, однако посох опустил. Попробовал ладонью окровавленные губы, поморщился. – Безбожники окаянные!

– Пошли, братья, – позвал за собой друзей «московский сирота». – Струг наш уже вниз поехал. Догонять надобно.

– Бояре, бояре! – встрепенулся, пользуясь затишьем, половой. – Гривенник с вас за все!

– Лови! – бросил ему пятиалтынный Басарга. – И векошников корзину к стругу принеси!

Побратимы отступили к гавани, в которой уже качался на воде их маленький корабль. Впрочем, никто из окруживших монаха каменщиков преследовать их не пытался. Слуга из харчевни принес на берег корзину с горячими пирогами.

– Это вам, – поднимаясь на борт, указал холопам на угощение Басарга. – Давай, Тришка, отчаливай!

Холоп кивнул, подхватил весло, оттолкнулся им от берега, перебежал на корму, несколько раз гребнул в сторону, разворачивая судно носом к протоке, уселся на край, гребнул вдоль борта, подгоняя струг вперед. Рулем Тришка-Платошка не пользовался – у рыбацкого сына и так получалось неплохо.

– Пойду-ка я покомарю, – довольно похлопал себя ладонью по животу боярин Булданин. – Наелся, напился, косточки размял. Самое время и поспать!

– Это верно, – согласился Тимофей. – Хоть немного повеселились после тоски-то в четырех стенах. Почаще надобно у трактиров останавливаться!

Тем не менее он вслед за товарищем нырнул обратно в «четыре стены», в крытую каюту струга. Софоний же, расстегнув пояс, положил его рядом, скинул сапоги и сел на борту, свесив ноги вниз. До воды ступнями он, однако, не доставал, довольствуясь свежестью встречного ветерка.

– Совсем ты нас броней умучил, дружище, – вздохнул он. – Жарко же, Басарга! Может, скинем?

– Ныне, вишь, пригодилась, – кивнул в сторону удаляющегося волока боярин Леонтьев. – Может статься, и еще понадобится.

– Не знаю, – пожал плечами его побратим, пригладив пальцами тонкие усики и аккуратную острую бородку цвета спелой вишни. – Коли на Ветлуге нас никто не обгонял, так и вестей о нас передать некому. Откель засаде взяться?

– Так на путях торных не токмо иезуиты засады устраивают. Тут иной раз и обычные душегубы шалят.

– И то верно, – усмехнулся боярин. – О разбойниках обычных я как-то не помыслил.

Басарга тоже скинул сапоги, снял саблю, уселся рядом, тихо спросил:

– А ты чего, и вправду сирота?

– Подкидыш, – пожал плечами Софоний. – Младенцем у ворот Ивановского монастыря⁴ оставили. Монашки и приютили Христа ради. Говорят, симпатичным очень оказался, страсть как прихожанам нравился. Боярыня Карташева, едва увидела, столь умилилась, что постоянно на мое воспитание серебро жертвовала. Да и сейчас пару раз в год судьбой моей интересуется и кошель на расходы оставляет.

– Да? – В душе Басарги Леонтьева шевельнулось смутное подозрение, однако высказывать его он не стал, спросив вместо этого: – Как же ты тогда в бояре попал?

– Князь Воротынский по милости своей Зоринским углом пожаловал, – пожал плечами боярин Зорин. – Восемь дворов. Водовозы там обитают. Подати небольшие, ан платят исправно, жаловаться не могу. Четырнадцать годков мне было, когда Михайло Иванович меня там на дворе увидел. И так я ему приглянулся, что к себе решил забрать и тут же на обучение в обитель Костянскую отправил. Через два года князь Кураев за меня поручился, дабы новиком в реестр записали, боярин Шеин тогда же мне доходы с рядов торговых Неглинских подарил, а боярин Пижма долю свою от мельницы на Яузе. Мыслью, везуч я очень. Так всем нравлюсь, что ни доходов, ни серебра не жалеют...

Вопреки словам улыбался Софоний криво и грустно. Странное везение не знающего родителей сироту, похоже, только угнетало.

Басарга, не найдя что сказать, лишь тяжело вздохнул.

Струг же тем временем, миновав пару излучин, попал на разлив, пропустил мимо три идущих встреч ладьи, глубоко осевших в воду, закачался на волнах. Тришка, оценив размеры открывшегося простора, вытянул весло, перебежал к левому борту, распустил узел веревки, споро поднял носовой парус.

– Ты чего делаешь? – оглянулся на него Басарга. – Лес же впереди!

– Просвет за ним, боярин! Проскочим!

Паренек оказался прав. Разогнавшись на разливе, струг быстро проскочил тенистую узость меж двух мрачных ельников и снова вышел на открытое место. Правда, просветом оказалось затянутое рыхлым брусничником болото, разрезанное посередь речным руслом – однако

⁴ Ивановский монастырь – ныне Иоанно-Предтеченский монастырь в Москве.

ветер тут все равно оставался свежим, и судно резво бежало вперед, с шипением разрезая черную воду.

– Далеко нам еще, друже? – спросил Леонтьева боярин Зорин.

– До Ваги-то? Где-то с тысячу верст, наверное, – пожал плечами Басарга. – Роспись путевая в сундуке лежит, а так не помню.

– А ведь хорошую роспись Матрена-книжница тебе перед отъездом принесла? – оживился боярин. – Без нее мы бы точно среди проток лесных заплутали. И приметы все указаны, и отвороты, и по какой из рек сколько плыть надобно. Даже Ветлугу, и ту бы без росписи ейной не нашли. И собою купчиха хороша: статная, румяная, веселая! Есть на что посмотреть. И тебя, Басарга, любит, хоть ты нос от нее и воротишь. Не баба, а сокровище!

– Тебе роспись принести, друже? – хмуро ответил боярин Леонтьев.

– На что мне роспись, побратим? – хмыкнул Софоний и откинулся на спину, на мягко спружинившую крышу каюты. – Течение само приведет. Плыви себе да плыви, куда вода несет. Нет дороги лучше реки! Ни пыли, ни вони, ни ям, ни мостов ломаных. Тишь да прохлада. Она тебя и везет, она тебя и кормит, она тебя перед сном и укачивает... Верно сказываю, Тришка-Платошка?

– Верно, боярин, – с готовностью подтвердил холоп. – Лучше воды дороги нет.

* * *

Проезд Серебрякова оказался на удивление пуст, ни одной машины. Леонтьев припарковался в «кармане» почти рядом с выходом из метро, заглушил мотор, откинул спинку сиденья, закинул руки за голову и закрыл глаза. Пребывание на больничном изрядно расслабило молодого человека, и он привык спать чуть ли не до полудня. Десять утра теперь казались Жене чем-то вроде предрассветной туманной рани. Однако задремать он не успел – в окошко постучали, и в приоткрытое окно сунула нос рыжая веснушчатая девица в ветровке, цветом похожей на ржавую консервную банку.

– Но пасаран! – сжав кулак, подмигнула ему девица. – Это ты, что ли, Ревизор?

– Я, – удивленно поднялся Евгений. – А вы кто?

– Старовер, – подмигнула ему девица. – Чего, неужто не узнал?

– Подожди, но ведь он... это... – растерянно пробормотал Леонтьев. – Ему ведь пятьдесят три!

– Уже пятьдесят четыре-то, – поправила девица. – Полтора года аккаунту! – Она обошла машину, открыла заднюю дверцу, небрежно забросила туда потертый рюкзачок, потом бухнулась на сиденье рядом с водителем: – Ну че, поехали?

– Ты Старовер?! – все еще не мог поверить Женья.

– Ну да, выгляжу чуток моложе, – кивнула рыжая, поправила волосы, собранные на затылке в тугий хвост и перехваченные банковской резинкой. – Это же Интернет, парень! Если старикашка пишет на сайт, что ему шестьдесят восемь, это еще не значит, что он не девочка четырнадцати лет.

– Тебе четырнадцать?!

– Не бойсь, девятнадцать, – рассмеялась она. – За совращение-то малолеток не привлекут. Так мы едем или че?

– Но зачем?!

– Да обрыдло, когда старперы тупоголовые в ответ на любые аргументы отвечают: «Вот когда вы подрастете, милочка, получите образование и прочитаете Ключевского с Гумилевым в пятый раз, вы поймете, насколько ваши жалкие факты смешны и неинтересны», – гнусавым тоном прочавкала она. – Вот, чтобы подобную дребедень мне больше не отвечали, я себе пятьдесят лет в аккаунте и нарисовала.

– Помогло?

– Не совсем, – пожал плечами девица. – Оставшись без единственного аргумента, старперы перестали отвечать вообще. Кстати, меня Катей зовут...

Она протянула Леонтьеву тонкую холодную ладонь.

– Женья... – Евгений все еще не мог переварить столь неожиданного превращения пожилого историка во взбалмошную голубоглазую малолетку. – Родители-то хоть знают, что ты уехать собираешься?

– Я, парень, уже три года самостоятельно живу, – с легкими презрением скривила губы девица. – Сама зарабатываю, сама койку в общаге снимаю. Так что в разрешении-то выглянуть из-под маминой юбки не нуждаюсь.

– Понятно, – пожал плечами Женья. – Приехала поступать и провалилась.

– Парень, да ты просто Шерлок Холмс! – хмыкнула Катя. – Будешь давить меня интеллектом на месте или все-таки поедем?

– Подождем. Может, Техник подойдет?

– А, совсем забыла! – Девица дотянулась до рюкзака, оторвала липучки, вытянула маленький нетбук, раскрыла, быстро постучала по клавишам, повернула экраном к Жене. Там, возле аватарки Техника, появилась надпись: «Прошу прощения, завтра командировка на «Авиастар». Причем в реквизитах указывалось, что сообщение оставлено три секунды назад.

– Ты еще и Техник? – вскинул брови Леонтьев.

– После того как я нарисовала себе полтинник-то, – закрыла маленький компьютер Катя, – со мной больше никто не спорит. Старперы боятся, а детишки нонеча глупы, что горные козы. Вот и пришлось второй аккаунт открывать, дабы поговорить хоть иногда с умным человеком.

– Однако... – Женья Леонтьев понял, что скучно ему в этой поездке точно не будет, и завел мотор. – Не боишься? Непонятно куда, непонятно зачем, с незнакомым мужиком...

– А чего мне бояться? – Она слегка сползла вниз и откинула затылок на подголовник сиденья. – Работа у меня тоскливая, дети по лавкам не плачут, кошку с собакой еще не завела. Так что бросать-то толком нечего, все свое ношу с собой. А здесь приключение! Клады, пиастры, путешествия. Опять же и секс-то мне нравится, коли ты на это намекаешь. Можешь моей беззащитностью пользоваться, разрешаю.

– Даже так? – покосился на нее Евгений, воткнул передачу и выкатился на проулок. – И часто ты, Катенька, так за приключениями отправляешься?

– Хрен тебе, а не секс, – сложила девица фигуру из трех пальцев. – Чтобы намеки грязные больше не отпускал!

– Вообще-то это ты первая о своей свободе и вольности заявила, – напомнил Женья.

– Мало ли кто чего заявил! – передернула она плечами. – Ишь, какая цаца! Ты у меня первый-то такой, если хочешь знать. И вообще я себя в строгости держу. У меня планы серьезные на карьеру, и сгорать, как свечка, я не собираюсь.

– Ты уж определись как-нибудь, Катенька, кто ты такая? – попросил Леонтьев, выкатываясь из «кармана» на проезд Серебрякова. – То ли секс любишь и приключения, то ли в строгости живешь?

– Если девушка любит секс, это не значит, что она ходит по рукам, – загнула один палец пассажирка. – Приключения и постель – это две большие разницы, – загнула она второй, – и если дама пожелала по случаю срубить немного денег своим умом, это не значит, что она постоянно мотается туда-сюда на синих немецких развалюхах! Я просто намекнула тебе, чтобы ты расслабился. Со мной можно договориться.

– Срубить каких денег? – не понял Евгений.

– Мы едем искать клад. Разве нет?

– Это был сон, Катенька. Просто сон, – покачал головой Леонтьев. – Я еду не потому, что рассчитываю на клад, а потому, что вокруг монастыря этого очень уж много совпадений по нынешней весне случилось. Вот и решил прокатиться, раз уж у меня образовалось несколько свободных недель. А клада скорее всего нет. Даже наверняка нет. Хочешь, высажу?

– Нет уж, нет уж, так просто ты от меня не отделаешься, – покачала головой девушка. – Раз поехали, значит, поехали.

– Уверена?

– Я готова рискнуть, – пожала Катя плечами. – Вместе ходим к угловой башне, вместе заглянем в тайник. А там ясно будет. Договорились?

– Договорились, – согласился Евгений. – В компании веселее.

«Гольф» тем временем нырнул под путепровод, развернулся, выехал на четырехполосное Ярославское шоссе. Леонтьев вырулил в третий ряд и вдавил педаль газа. Ему предстоял долгий-долгий день.

– Ты в какой институт поступала, Катя? – поинтересовался он. – На истфак?

– Сам ты «фак», – ответила девушка. – В Лесотехнический. Но на платный у меня бабла нет, а бесплатный еще дороже стоит. Пролетела, как фанера над Парижем.

– Как же ты тогда на историческом сайте оказалась?

– Хобби... – пожала она плечами. – А ты у нас кто по профессии?

– Бухгалтер.

– Ни фиги себе! – громко хмыкнула Катя. – Вот уж чего не ожидала, так не ожидала. У тебя-то откуда такой интерес к убрусу взялся? Ты, как я заметила, в истории разбираешься не больше, чем я в баллистике.

– У меня к нему вообще никакого интереса. Случайно столкнулся.

– Где?!

Евгений почувствовал, как дрогнул и изменился ее голос, покосился на девушку. Она заметно побледнела, отчего веснушки ярко проступили на носу и щеках, и вся вытянулась, как лиса, услышавшая мышинный шорох.

– Ах, вот оно что! – Теперь для молодого человека все встало на свои места. – Ты решила, что убрус находится в кладе?

– Это такая вещь... – не стала отнекиваться Катя и мечтательно произнесла: – Такая вещь... Если в евровалюте измерять, то пять-шесть «КАМазов» стоять должна. Бортовых, десятитонных. Даже если шансов один на миллион, и то стоило рискнуть.

– Ты ошибаешься, убрус тут ни при чем. Так что... Еще не поздно сойти.

– Я же сказала: есть смысл рискнуть, даже если шансов один на миллион. В принципе ничего не меняется. Прокачусь-то, раз уж ввязалась. Чтобы потом всю оставшуюся жизнь локти не кусать, вспоминая про упущенную возможность.

– Забавно... А почему ты вообще решила, что убрус может быть там?

– Ну, как тебе сказать, Пятачок? – задумчиво почесала затылок его спутница. – Ну, вот представь себе, что кто-то спрашивает в Инете: «Кто знает, как можно кокаин от сахарной пудры отличить?» А потом: «Какая доза кокса безопасная? А его нюхают или глотают?» Потом: «Как пограничники кокаин ищут?» И наконец: «Кто знает, почему кокс в Москве продают?» Вот ты бы чего подумал?

– Что кто-то случайно нашел пакет с кокаином и не знает, чего с этим делать.

– Умница, парень, соображаешь, – похвалила его Катя. – Вот ты с убрусом вел себя точно так же. Будто чего-то такое нашел и сам не понимаешь, что именно?

– У меня его нет.

– Это я уже поняла, – кивнула девица. – Но каким-то краем он тебя касается. Так что, когда я услышала про клад... Ну, грех-то было не попытаться!

– Так вот почему ты предложила съездить и посмотреть?

– А ты думал, я в твою слепую аватарку влюбилась? – съязвила девица. – Конечно, поэтому! Ты же вдруг взял и согласился. Тут уже обратного пути вообще не осталось. Пришлось паковать вещички. Если хочешь чего-то в своей жизни добиться, нужно уметь рисковать.

* * *

Всего за три дня струг скатился по течению до сияющего десятками золотых куполов Великого Устюга. Однако останавливаться Басарга не разрешил – и их корабль, подняв оба паруса, стремительно вырвался на простор Северной Двины. Ветер дул попутный, вниз по реке путники помчались, словно бегущая рысью породистая степная лошадь, и уже на второй день миновали богатую Плесу⁵, за которой и впадала в Двину река Вага. Платон резко переложил руль и, описав широкую дугу, буквально влетел в окаймленное длинными песчаными косами устье.

– Мартын, передний парус затяни! – грозно крикнул паренек, и холоп боярина Заболоцкого бегом помчался исполнять приказ. – Весла готовьте, ветер уйти может!

Однако ветер никуда «не уходил». Русло реки шириной почти в двести сажений позволяло стругу уверенно лавировать от берега до берега, ловя даже слабые порывы, и кораблик медленно, но неуклонно пробирался все выше и выше против течения.

– Которая из рек Ледью будет, боярин? – поинтересовался Платон, когда они подошли к какой-то протоке. – Как мне ее определить-то?

– Вверх иди, пока до города уездного не доберемся. Воеводе тамошнему грамоту жалованную покажу, а уж опосля поместье смотреть станем.

– Дык, темнеет уже. Ночью супротив реки особо не попетляешь, враз на мель вылетим. Останавливаться надобно.

– Надо, так остановимся, – невозмутимо кивнул боярин.

Остановиться и вправду пришлось – уже поздним вечером в сгустившейся темноте рыбацкий сын сослепу вылетел-таки на очередную песчаную косу. Снимать с нее лодку не стали – только выправили на ровный киль и легли спать. А на рассвете, высадив холопов за борт, бояре выдали им веревочный конец. Снимать струг не пришлось – сам на воде закачался, когда на четырех человек легче стал.

Двигаться на бечеве вышло куда быстрее, чем под парусом, и не в пример легче. Вага оказалась рекой мелководной, в десяти сажнях от берега глубина была немногим выше колена. Небольшому кораблику этого вполне хватало, чтобы не цепляться брюхом за дно.

Вскоре после полудня за очередной излучиной обнаружился деревянный храм, обнесенный неровным низким частоколом. Возле церкви стоял солидный сруб на подклети, ворота тоже были сделаны солидно, двойными, да еще и с луковкой над ними.

– Вот проклятье... – тихо выругался Басарга. – Неужели это он? Эй, Тришка-Платошка, бросайте бечеву! Нам на тот берег надобно.

Холопы, поднявшись на борт, взялись за весла, перегнали струг через реку, а когда нос выскочил на песок берега, повалились без сил.

– Пива можете выпить, – сжалился над ними Басарга. – Вроде как бочонок в носовом трюме еще остался.

Но слуги вымотались так, что даже не пошевелились.

⁵ Деревня Плесо – в XVI веке крупное поселение, находившееся в подчинении приказа Большого дворца. Согласно последней переписи, ныне в ней проживают 17 человек, из которых 15 – пенсионеры.

– Ладно, пусть отдохнут, – первым перевалил через борт Тимофей Заболоцкий. – А мы пока хоть глянем, что за место? Может, батюшка приветит. Почитай, полмесяца к причастию не подходили.

Бояре, привычно проверив оружие на поясах, направились к воротам, скинули шапки, перекрестились на образ Николая Чудотворца, висящий над входом, шагнули во двор. Здесь было тихо и пусто, и только одинокий седой инок, сидя на паперти крыльца, старательно растирал что-то деревянным пестиком в небольшом ковше. Судя по едкому запаху – скорее всего горчицу.

– Бог в помощь, отче, – слегка поклонился Басарга. – Чего это у вас церковь одна-одиношенька в лесу на отшибе стоит? Кого окормляете?

– Сие не просто храм, добрый человек, – прошамкал старик. – Сие обитель святая, пустынь Трехсвятительская, преподобным Варлаамом Важским основанная, в коей он постриг принял и за то годами долгими был награжден и нетленными мощами нам вернулся, чудо Господнее явив и святость свою доказав язычникам диким, в сих местах попушением бесовским по лесам прячущимся...

Руки инока работали так же мерно и безостановочно, как его язык. Старик длинным однообразным тоном изливал гостям историю монастыря, не делая заминок даже для того, чтобы вдохнуть воздух, и не обращая внимания, слушают его или нет.

– Службы-то вы стоите али нет никого, кроме тебя, отче? – громко поинтересовался боярин Заболоцкий.

– А вы сами кто будете? – внезапно поинтересовался инок.

– Подьячий я от Монастырского приказа, – вмешался в разговор Басарга Леонтьев. – Проверяю, каково с порядком в обителях заволочных?⁶ Не берут ли лишнего от земель и лесов царских, стоят ли службы али лытают от долга христианского, не пропадает ли где добро церковное, не продается ли в руки чужие...

Инок молча поднялся и быстро-быстро заковылял в глубину двора.

– Эй, отче, ты куда?! – разочарованно вскинул руки Илья Булданин, но монах его вроде бы и не услышал. – И что теперь?

– Думаю, сейчас будет продолжение, – ухмыльнулся Софоний Зорин.

Он оказался прав. Едва пожилой чернец скрылся в доме с подклетью, как почти сразу из дверей выскочил другой монах – помоложе, с бородкой покущее, в зеленой отчего-то рясе и слегка сторбленный вперед – словно торопился куда-то, а разогнуться забыл.

– Мир вам, добрые люди, – перекрестил гостей второй монах. – Какими судьбами в наших краях?

– Что же это у тебя, батюшка, все в таком запущении стоит? – развел руками Басарга. – Вроде бы обитель известная, вроде бы преподобный Варлаам нетленные мощи свои тут явил. А выглядит все... У смерда инога двор и то опрятней смотрится. Шатер на храме истлел, двор песчаный, тын разве токмо козу удержать годен! И это монастырь?

– Помилуй, боярин, да как же нам со всем сим хозяйством управиться, пяти старцам-то! – Монах перекрестился, затряс руками: – Сие же пустынь, не храм городской. Милостыни, почитай, и нет, вкладов никто не несет. Преподобный, когда обитель строил, ловы и леса-то отписал, да токмо Иоанн Васильевич⁷, Грозный именем, всех детей-то его возьми да и в Кострому отсели! Тако мы без вос... вас... воспоспешивания мирского и остались. Дети, знамо, не оставили бы обитель предка своего, усыпальницы родовые без пригляда... Ныне же, вот, токмо уловами на Ваге кормимся, да из леса черного милостью воеводы сухостой на дрова берем. А

⁶ Заволочье – общее название земель, лежащих на восток от Славянского волока; восточнее озер Онежского, Белого, Кубенского.

⁷ Иван Васильевич Грозный – великий князь Иван IV. После присоединения Новгорода к Московскому княжеству в 1478 году переселил многих новгородских бояр в другие земли.

как мощи преподобного свету явились, так он оклад серебряный для иконы святого обители нашей подарил!

– Вот, проклятье... – снова тихо выругался Басарга.

Он ожидал увидеть здесь что-то совсем другое. Богатое хозяйство, крепкие стены, сплоченную братию, сияющие храмы с высокими звонницами. И, вестимо, государь тоже мыслил, что в далеких заволочных землях, с незапамятных времен не знающих войн и набегов, в сытых, многолюдных и обильных, монастырь должен выглядеть ничуть не хуже, нежели в Москве или Ярославле. Однако же... Однако многолюдье здешних обитателей, похоже, бесследно растворилось в бескрайних просторах Двинских земель.

Увидев монастырь воочию, Басарга сильно усомнился, что братия способна уберечь сокровище, доверенное ему государем. Святыню, за которую положили свои животы молчалиники Кирилловской обители и за которую пришлось проливать кровь ему самому. Забор, более на огородный похожий, церковь-развалина да несколько стариков, видом ничуть не лучше... Где им отстоять ценность, за которой старицкие прихвостни, не колеблясь, до полсотни холопов отправляют?

Однако же приказа царского не исполнить дьяк Монастырского приказа тоже не мог. Боярская честь не позволяла.

– Мы на великого князя зла не держим, – забеспокоился монах. – Он монастырю нашему угоды отписал немалые. Луга заливные, пять деревень от своего удела, ловы поважские... Мы за Иоанна Васильевича Бога молим!

– И где смерды ваши? Отчего подати не платят, барщины не отбывают?

– Так ведь, боярин... В деревнях-то тех пятнадцать дворов во всех пяти всего и набирается. Хлеба, соли, свечей, дров, сена и соломы привозят, и то хорошо. С ловами же мы и сами управляемся. Как бы эта... братья Никодим, Герасим и Афиноген ныне аккуратно ставни проверяют. По хозяйству тоже смерды подсобляют, когда зову... Заместо барщины то есть... Пашни-то нет у обители, на нее не пошлешь.

– Проклятье! – опять едва не сплюнул от разочарования Басарга. – Как же вы живете тут в такой нищете?

– Так с ловов и живем, боярин. Пища скромная, для чистоты душевной полезная. Молитвою, да рыбой, да грибами лесными сыты и бываем. В пустынь безлюдную мы ведь не за чревоугодием ушли, а во спасение души своей после жизни многогрешной. Ты токмо скажи, боярин, отчего недоволен ты так? Нешто прогневили чем по незнанию? Али опалу государеву слабостью в молитвах вызвали?

– Государь, прознав про явление миру мощей преподобного Варлаама Важского, пожелал вклад в обитель вашу внести на двести рублей и образами святыми одарить, – хмуро ответил ему Басарга, откинув подол епанчи и положив руку на рукоять сабли.

– Слава Всевышнему! Услышал Господь наши молитвы! Смилоствился над тяготами нашими! – Инок упал на колени и принялся истово креститься, отвешивая земные поклоны.

Боярин Леонтьев почувствовал себя так неудобно, что его бросило в жар. Лицо и глаза служитель Божий обращал, естественно, к небесам. Вот только стоял на коленях перед ним. Как назло, именно в этот момент в ворота въехал возок, на котором сидели еще три старца в монашеских рясах. От представшего им зрелища чернецы изменились лицами, спрыгнули с телеги. Один из них потянул с собой лежащий среди соломенной подстилки топор, другой – достал засапожный нож.

– Отец Володимир, что случилось? – поинтересовался третий, пока еще безоружный.

– Радуйтесь, братия! Государь услышал о тяготах наших и вклад прислал в монастырь на двести рублей!

Старцы дружно рухнули на колени.

– Ну-ка, хватит! – не выдержал Басарга. – Лучше в храме своем за здоровье Иоанна Васильевича помолитесь и долгих лет ему пожелайте! Давайте вставайте да ступайте в церковь! Я же покамест за кошельем схожу.

Служба за здравие государя Всея Руси Иоанна Васильевича вышла, наверное, самой воодушевленной и искренней со времен строительства Трехсвятительской церкви. С удивительной легкостью получили отпущение всех своих грехов и путники. Басарга даже засомневался – вправду ли настоятель пустыни отец Владимир расслышал его признание в рукоприкладстве по отношению к священнику или на что-то отвлекся? Но в любом случае совесть его была теперь чиста.

Однако, прежде чем передать монастырю вклад, боярин обратился к своим спутникам:

– Ныне, други, прошу ненадолго оставить меня с братией наедине, дабы увещевания царские, токмо им предназначенные, передать.

– Да-да, люди добрые, – закивал настоятель, – прошу вас в трапезную ныне пройти. По обычаю древнему, путников проезжих накормить мы обязаны⁸. Уж простите, снедь вся наша постная. Однако же, чем богаты, тем и рады.

Это предложение было встречено с полным воодушевлением, и боярин Леонтьев очень быстро остался наедине с тремя монахами: самый ветхий из монастырской братии и один из рыбаков ушли хлопотать с угощением.

Двери церкви затворились, и в наступивших сумерках подьячий Монастырского приказа негромко потребовал:

– Ныне желаю, чтобы здесь, в храме Божьем, вы, святые отцы, поклялись мне сохранить навечно тайну великую, что я вам именем царским доверю. Что не расскажете о тайне сей никому ни в этой жизни, ни в мире загробном! Не бойтесь, кощунства от вас не потребую. Тайна сия лишь благо обители вашей принесет и всей церкви Христовой. Слово государево за мной и служба царская. Иной воли не имею.

– Коли на благо веры Христовой дела твои, чадо, то вот тебе крест, ни одна мука слова из меня не вырвет! – пообещал настоятель.

– Язык себе скорее откушу, нежели выдам, вот те крест, – осенил себя знаменем инок Афиноген.

– Именем Господа нашего Иисуса, живот свой за грехи наши положившего... – перекрестился Никодим, – во славу Божию муки с радостью приму, но тайны его не выдам.

– Золото царское здесь, – достал боярин из-за пазухи тяжелый кошель. – Держи, отче. А это, – указал он на небольшой ларец, принесенный со струга, – это не казна, а реликвия греческая из древнего монастыря Афонского. Хрупкая она зело, и потому открывать шкатулку нельзя. Государь повелел мне сокровище сие вам на хранение передать. Дабы святостью своей она обитель вашу осеняла и возвышала, вы же молитвами своими ее силу чудотворную размножали.

– Это честь великая для пустыни нашей... – начал было креститься с поклонами настоятель, но Басарга его остановил:

– Нет, отче, в руки ваши я ее не передам. Место для святыни христианской намоленной – под алтарем церковным⁹. Своими глазами увидеть хочу, как вы ее туда опустите. Никодим, топор я в сенях оставил, принеси.

⁸ Помимо невероятных льгот у монастырей на Руси были и обязанности: содержать увечных воинов, кормить крестьян в голодные годы и привечать за свой счет проезжих путников. Правда, последний обычай, по утверждению путешественников, соблюдался только в отношении самых знатных бояр.

⁹ Тайник под алтарем со святынями никаким кощунством в христианской традиции не является и даже имеет собственное название: «крипта» («тайник» по-гречески). В западноевропейской средневековой архитектуре «тайник» в итоге вырос до размеров еще одной, подземной церкви.

Монах послушался. Боярин Леонтьев с помощью Афиногена отодвинул алтарь, Никодим поддел лезвием две доски, оторвал, раздвинул по бокам. Настоятель, прочитав полушепотом «Отче наш», перекрестился на три стороны, поднял ларец и опустил его вниз, на рыхлый песок. Поколебался, затем сместил левее, быстро вырыл ладонями ямку, спрятал сокровище в нее, сгреб песок обратно и разровнял, скрывая следы тайника. Монахи вернули доски обратно, присыпали щели трухой, после чего Басарга поставил алтарь на место.

– Забудьте о сем навеки, святые отцы, и на смертном одре тайну унесите с собой, – еще раз потребовал царский посланник. – Того достаточно, что государю секрет сей известен, и коли нужда великая в святыне возникнет, он сюда посланца пришлет либо сам за нею явится.

Он перекрестился, и монахи последовали примеру подьячего.

– И еще одно, отче, – вскинул палец Басарга. – Ты на деньги эти первым делом стены нормальные поставь. Чтобы при случае от набега татарского или иной беды отбиться можно было. Осенью проверю.

– Нам бы поперва сам храм обновить, милостивец! – взмолился настоятель. – Тес, вон, трескается уже по шатру. Пока бог от ливней затяжных хранит, так и ничего кажется. Ан в ненастье и капает уже в местах многих!

Боярин Леонтьев глянул на алтарь, на который в любой миг могла потечь вода, и смирился.

– Ладно, начинай с того, в чем нужда наибольшая. Но осенью все едино жди. За царской копеечкой и святыней государевой приглядывать буду строго! – пообещал он. – Тайна сия отныне свяжет нас накрепко. Навсегда.

Монашеское угощение и вправду было скромным: шучья и лососевая печень, каша пшенная с судаком, паюсная икра, вязига в уксусе, белужьи языки да пироги с капустой, щавелем и маком, запивать которые пришлось обычным киселем. Ничего хмельного братия, похоже, себе не позволяла. Без пива и вина застолье не затянулось – и еще задолго до заката струг отправился дальше.

Через полчаса обитель скрылась за излучиной, на берегах поднялись темные непролазные сосновые леса – словно пытались доказать, что Трехсвятительская пустынь – именно пустынь и есть, жилья человеческого окрест не найти.

В сумерках путники уже привычно остановились на отмели, полувытащив струг на песчаный островок и выровняв по килю.

– Если кому охота, – уже засыпая, спохватился Басарга, – то брони и поддоспешники можно снять. Серебро царское мы монахам отдали, опасаться более нечего.

– Тогда уже завтра! – сладко зевнул, устраиваясь на тюфяке, боярин Булдин. – Ночью без них зябко.

А утром путников разбудил неожиданный колокольный перезвон – пусть далекий, но хорошо слышный.

– Это что? Наша братия уже успела царское серебро в новую звонницу обратить? – недоуменно поднялся во весь рост Софоний Зорин. – Везение празднуют?

– Вроде с запада звук идет, – указал вверх по течению боярин Заболоцкий. – Не иначе, тут еще какой-то монастырь неподалеку.

– Причем монастырь богатый, – добавил Басарга. – Там не один колокол звучит, а полный набор. Эвон, переливы какие звонари выводят. Коли он еще и к людям ближе, то понятно, отчего пустынь Варлаамова в нищете прозябает. Кто же к голытьбе за два дня пути потащится, коли добротный собор совсем под боком имеется? Ладно, Тришка-Платошка, хватит прохлаждаться! Берите бечеву, и вперед. Мыслью я, город совсем рядом уже. Вечером в бане на постоялом дворе париться будем, и меда хмельного напьетесь от пуза. Я обещаю!

– Воля твоя, боярин! – первым скинул порты широкоплечий Семен, холоп боярина Булдина. – Меда так меда, поехали!

Топать с веревкой на плечах слугам пришлось еще часов десять, не менее. Уж больно петлиста оказалась река в среднем своем течении. Однако еще задолго до сумерек, миновав очередной изгиб русла, путники увидели выплывшие из-за серой стены соснового леса золотые купола с заброшенными высоко в пышные облака православными крестами. Чуть ниже куполов тянулась черная крепостная стена из почерневших от времени бревен. Над ней островерхими зелеными шапками красовались восемь крепких башен. Однако размеры могучей цитадели не вмещали всего населения города, а потому вправо и влево от крепости разбегались стоящие вперемешку северные избы на высоких клетях с широкими гульбищами и просторными крыльцами и маленькие бревенчатые баньки, многие из которых не имели даже трубы, но каждая удостоилась длинных сходней к реке.

Помимо сходней берега украшали десятки причалов, почти все из которых были заняты ладьями и ушкуями. Недалеко от них стояли и прилавки – в великом множестве, прямо как на московской ярмарке. Правда, из-за позднего времени торг уже затих, купцы унесли товары до нового рассвета.

Выбеленные стены каменных соборов, золото их шатров, отливающие начищенными боками колокола на звонницах, тес на крепостных башнях, обширные гостиные дворы, слюда в окнах изб, огромные трехсаженные поленницы березовых дров в пирамидах – все, на что только падал взгляд путников, буквально кричало о богатстве, сытости и многолюдстве вставшего на берегу реки могучего города. Перепутать его с каким-нибудь острогом или монастырем было совершенно невозможно.

– Это, я так понимаю, Вага и есть. Добрались! – с облегчением перекрестился Басарга.

* * *

– Ну, наконец-то, добрались, – облегченно перевел дух Евгений Леонтьев, сворачивая по указателю с архангельской трассы. Сбросив скорость, он прокатился еще пару километров по проложенной среди полей автомобильной трассе, пока неожиданно не уперся в широкую, метров триста, неторопливую реку с совершенно пляжными, пологими берегами из чистейшего песка, затормозил у поворота: – Что за черт? И чего теперь?

За играющей солнечными зайчиками водной полосой поднимался высокий берег, поросший деревьями и кустами, над которыми высился древний, словно голова мамонта, бревенчатый дом. Справа от дома берег разрезался широким спуском к воде. Именно туда навигатор ехать и предлагал. У путеводной электроники были явно завышенные ожидания к возможностям десятилетнего «Гольфа».

– Вот, левее посмотри! – показала вдоль реки Катя. – Вон у дамбы целых два моста через Вагу перекинута. Цивилизация!

– Ну, если цивилизация, то поехали, – воткнул сразу вторую передачу Женя. – Надеюсь, они меня выдержат?

Здесьние мосты были понтонными и почти платными – десять рублей сотрудник Счетной палаты счел ценой чисто символической. Под «Гольфом» скрепленные между собой понтоны почти не просели, только покачались вперед-назад, передавая машину друг другу, словно эстафетную палочку. Съехав на дамбу, Женя добавил газу и по пыльной грунтовке наконец-то въехал в город.

На первый взгляд Шенкурск напоминал базу отдыха, утонувшую в тихом заповедном бору. Дома стояли далеко друг от друга, и между ними местами успели вырасти целые рощицы. Улицы, временами напоминающие лесные тропы, уходили в густые объятия разлапистых берез и тополей. Да и улицы ли это были? Вместо привычного для столичного жителя асфальта – дороги и перекрестки почти везде выстланы серые бетонные плиты с широкими стыками. Материал, может, и вечный – но более уместный для пешеходных прогулок, а не под автомо-

бильными колесами. Изношенной подвеске «Гольфа» непрерывные перестуки на пользу никак не шли.

Глядя по сторонам, Евгений не мог избавиться от ощущения, что провалился куда-то в девятнадцатый век. Срубы, срубы, срубы... Одноэтажные и двухэтажные, на кирпичных подклетях или без них, обшитые вагонкой или гордо выставляющие напоказ дегтярные бревна. Поленицы во дворах, на улицах и просто у стен, печные трубы, дощатые заборы, деревянные тротуары на склонах и просто тропинки в ровных местах. Можно было бы умилиться уюту городка, пахнущего костром и смолой – если бы только тут и там не поднимались монументальные каменные скелеты бывших соборов, церквей, монастырей и колоколен. На некоторых из них Женя увидел навесы из кровельного железа или мостки с крестами, но большинство выглядело совершенно мертвыми. И оттого малолюдные улицы стали казаться не тихими и уютными, а затаившимися в тревоге перед наступающим запустением и небытием...

– Вот, проклятье! – передернул плечами Леонтьев. – Что-то укатался я совсем. Бабки-ежки с Кощеями мерещатся. Пора принять душ и упасть на кровать. Пока не вытянусь во весь рост хотя бы на полчаса, даже ужинать не смогу.

– Улица Пластинина, синий двухэтажный дом с белыми наличниками, – сообщила спутница. – Там должна быть гостиница. Горячая вода и телевизор входит в стоимость номера.

– Это реклама?

– Ага. Но я уточнила, прежде чем заказать. Душ и туалет есть, отдельные. Там, кстати, всего восемь номеров. Наверняка люкс и евроремонт. Иначе в таком поселке конкуренции с комнатой у бабульки не выдержать. Пенсионерки всегда демпингуют, просто жуть!

– Через сорок метров поверните направо! – посоветовал навигатор.

– Ну наконец-то. – Евгений с облегчением выполнил команду. – А то я думал, что он нас уже похоронил. Решил, что утонули.

– Вы прибыли к точке окончания маршрута, – сухо парировал навигатор.

– Спасибо, дорогой! – Леонтьев съехал с дороги на широкую обочину и заглушил мотор. – Пошли?

Здание здешнего отеля выглядело куда живописнее и опрятнее, чем Женя ожидал. Снаружи оно буквально сияло от новенькой небесно-голубой краски и белоснежных наличников, широких и резных. Резьбой были покрыты и угловые декоративные столбики, и линия между этажами, и обшивка между кровлей и стеной – в общем, все свободные места, кроме ровных стен. Само здание скрывалось в высоком боярышнике, растущем пополам с полынью и поднявшемся зеленой стеной метров на пять в высоту. Живая шумоизоляция, надежно отделяющая гостиницу от улицы. Да и от любопытных глаз.

Впечатление немного портили ржавые насмерть водосточные трубы и железная кровля. Но, возможно, это была такая краска – за «зеленой стеной» толком не понять.

Внутри все тоже оказалось ухожено и уютно. Нарочито деревянные стены, покрытые темным лаком, потолок из декоративных обожженных балок, на стенах – прялки, донышки бочонков, плетенные из ветоши коврики, грубо кованые воротные петли, какие-то крючья, гребни и лопатки непонятного назначения. В общем – дизайнеры старательно делали стилизацию «под старину». И даже пахло здесь как-то... Опилками.

Общее впечатление портили, пожалуй, автомат с напитками – причем неработающий – и плазменная панель на стене напротив администратора. Зато стойка «ресепшена» была собрана из бруса, тщательно обожжена, покрыта наростами мха и украшена красно-зеленым гербом, наверху которого отливали золотом меч и держава, а внизу брел зверек, очень напоминающий испуганного медведя. Хотя в теории ему полагалось изображать барсука. Над гербом шла надпись: «Шенкурск основан в 1137 году».

– Так это Шенкурск или Вага? – попытался уточнить у девушки за стойкой Евгений.

– Никто не знает, – вместо нее ответила Екатерина. – В двенадцатом веке его называли Шенкурьем, в шестнадцатом Вагой, в семнадцатом Шенкурском. Однако после-то царя Михаила Федоровича местный епископ опять числился в Ваге. Но после переноса владычного двора в Холмогоры город снова указывался Шенкурском. Эдиктов о переименовании никто не издавал. Тебе какое имя больше нравится?

– Я вообще-то в монастырь приехал, – ответил Леонтьев.

– Извините, – кашлянула девушка за стойкой. – У нас только женский, Свято-Троицкий. Вы номер бронировали?

Катерина громко прыснула в кулак.

– Да!

– На какое имя?

– Ты на какое заказала? – повернулся к спутнице Женя. Гостиницу выбирала она, при проезде Вологды. Молодой человек утром еще не был уверен, что поездка состоится, и этим вопросом не озаботился.

– Евгений Леонтьев! – все еще ухмыляясь, привстала на цыпочки девушка.

– Да, я вижу, заказ есть, – кивнула администратор. – Номер восемь. Второй этаж, направо от лестницы. Кстати, самый лучший, с окнами в парк.

Она выложила на стойку тяжелую пластиковую грушу, к которой тонкой цепочкой крепился ключ.

– А ей? – не услышав продолжения, кивнул на спутницу Женя.

– Так у вас двухместный номер заказан, – мило улыбнулась администратор.

– У них тут все номера двухместные-то, милый! – сцапала ключ Катя. – Вот я и подумала: на фига мне платить лишние деньги, если я могу просто пожить у тебя? Айда за мной!

Помахивая рюкзаком, она зашагала по коридору.

– Вот ведь чума какая на мою голову! – пожаловался Евгений. – Если бы сразу догадался... Ничего, это всего на два дня. Завтра в монастырь, и домой.

– В женский? – пряча улыбку, уточнила администратор.

– И почему ей не пятьдесят четыре года? – со вздохом пожаловался Леонтьев и отправился следом за спутницей.

Номер оказался вполне комфортным: санузел с душем, шкаф, журнальный столик и ЖК-панель на стене. Двойное окно в деревянной раме выходило прямо в крону близкой липы. Чуть дальше просвечивали березы, растущие вдоль посыпанной гравием дорожки, и какой-то памятник, повернувшийся к отелю крашенным серебрянкой затылком.

Немного портила настроение кровать – одна на номер. Но Евгений решил, что пусть девушка ломает голову над проблемой, раз уж это затеяла, и, как было обещано, первым делом просто бухнулся на постель, вытянувшись во весь рост.

– Пойду проверю, как там с горячей водой? – невозмутимо отреагировала Катя и нырнула в душевую.

Вышла она примерно через полчаса, вся благоухающая шампунями и дезодорантом. Причем вопреки подозрениям Евгения не завернутая в полотенце, а в легком халатике. Правда, расстегнутом спереди. Но притом – под халатом на девушке был купальник.

– Ну как, отлежался? – присела она возле рюкзака, вытянула «ноут», подключила к сети: – Пущай подзарядится! Сколько времени, не знаешь? Я в таких городках бывала. Тут по вечерам ни магазина работающего не найти, ни кафешки какой. Мертвое время. В смысле: с голоду впору сдохнуть, если с собой ничего не взял.

Молодой человек вытянул из кармана телефон, взглянул на него:

– Почти десять. А вечер – это со скольки?

– Как вечер, не знаю. Но ночь обычно начинается с восьми.

– Ну, в гостинице-то ресторан всяко до часу или до двух рабо... – Ехидная ухмылка девушки заставила его осечься. Евгений дотянулся до телефона, снял трубку: – Добрый день, это восьмой номер. Вы не подскажете, до какого часа работает ваш ресторан? Как нет, почему? Но мы с дороги, хотели бы где-нибудь поесть! Да, спасибо...

Он повесил трубку:

– Говорят, что поблизости есть ресторан «Палац» и кафе «Вечернее». Они работают до одиннадцати или до десяти. Если не выходные. По мнению администратора, мы можем успеть... – Женя посмотрел на сотовый. – Восьми минут на одевание, дорогу и заказ нам хватит? Если успеем занять столик, время работы заведения продлят.

– До одиннадцати? – рассмеялась Катерина. – Да они тут просто полуночники!

Девушка извлекла из рюкзака две коробки быстрозаварной еды и кипяtilьник.

– Ну что, я готова расплатиться за ночлег натурой. Но не так, как ты надеялся на это утром. Тебе макароны или пюре? Или потрусишь искать заведение? По времени как раз успеешь заказать и слопать пару бутербродов.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок. – Евгений поднялся и стал раздеваться. – Выбираю пюре. Заваривай, а я пока в душ.

Хотя бы с водой в гостинице все было нормально – и напор хороший, и горячая не просто тепленькой струилась, а лился настоящий кипяток. Молодой человек встряхнул себя контрастным душем, напенился шампунем, ополоснулся и, посвежевший, вышел к организованному спутницей столу. Как выяснилось, она позаботилась не только о перекусе, но и о пакетиках с чаем, и сахаре, и салфетках. Его недовольство нахальной девчонкой немного ослабло. Пусть взбалмошная, но хотя бы хозяйственная. Выручила.

А Катя, допив через край бульон, облизала вилку, размешала ею чай, торопливо выпила, развернулась от стола, сдернула с постели покрывала, скомкала на стул, сверху кинула халат, на четвереньках доползла до изголовья кровати, вытащила подушку и, обняв ее обеими руками, негромко попросила:

– Будешь приставать – не буди...

– Очень надо! – хмыкнул Евгений.

– Ну и дурак. – Она широко зевнула, сдернула с волос резинку, натянула ее на запястье и уронила голову на подушку.

Разбудило кладоискателей пение птиц. Старые деревянные рамы ничуть не задерживали звуков, а парк за окном явно считал себя диким лесом, а потому шуршал и чирикал, стучал дятлами, редко потягивал и постоянно шелестел листвой. Телефон показывал начало девятого, а потому молодой человек поднялся, сходил ополоснуться, после чего стряхнул капли с влажных рук на лицо остроносой спутнице, мерно посапывающей на своей половине. Рыжие волосы девушки растрепались и лежали вокруг огненным нимбом, бледные губы были приоткрыты, отчего при выдохе и вдохе Катя издавала легкий пересвист, рыжие брови совершенно растворялись на чуть розовой коже, а веснушки придавали всему ее облику совершенно невинный, детский вид. И не подумаешь, что внутри обаятельного кокона скрывается настоящая мегера.

На капли Катя не отреагировала, и Женя просто пообещал:

– Не встанешь, водой полью.

– Фу, зачем так грубо? – сладко потянулась она. – В кои-то веки в мягкой постельке понежиться можно. Ни работы, ни учебы...

– У нас всего день на все, – отрезал Леонтьев. – Завтра утром нужно выехать обратно. Тут же дорога как раз весь день и занимает, забыла?

– Что за люди? Совершенно отдыхать не умеют, – недовольно вздохнула девушка, однако поднялась. – Деспот!

– Еще слово, и оставлю без завтрака.

Екатерина сглотнула и не произнесла больше ни звука до тех пор, пока не получила в кафе на улице Карла Маркса свой капучино и два пирожных с заварным кремом.

– Так, на чем мы остановились? – попыталась припомнить она, облизывая пальцы. – Кажется, о дороге на весь день? Тогда заводись, поехали. Сам монастырь не здесь, а в тридцати километрах. Идти пешком будет нудновато.

Пришлось заводить «Гольф», снова переправляться паромом через Вагу, ехать почти полчаса по трассе, чтобы потом свернуть на безымянную грунтовку, уходящую в густые сосновые леса. К счастью, этот отрезок пути занял всего десять минут. Машина въехала в деревню Корбала, и, уже не дожидаясь указания, молодой человек зарулил к отдельно стоящему деревянному храму с двумя тесовыми шатрами – над самой церковью и над поднятой перед входом колокольней. Оба шатра венчались совсем небольшими железными луковками с крестами.

– Заперто, – заглушив мотор, посетовал Женя. – Никого ни о чем не спросить.

– Думаю, внутрь нам не попасть, – вышла на недавно обкошенную прогалину перед храмом девушка. – Тут в деревне населения от силы с десятков человек, может, чуть больше. Днем наверняка-то делом заняты, не до нас.

– Монахи?

– Ты чего думаешь, мы в монастыре? – рассмеялась Екатерина. – Не-ет, до него еще пѣхать и пѣхать. А это деревня Корбала, прошу любить и жаловать. Известна с шестнадцатого века. Поместье самого Бориса Годунова, между прочим. К монастырю-то отсюда, думаю, не проехать. Разве только на тракторе.

– Далеко?

– Ну, еще верст пять, а то и менее.

– Ладно, Сусанин, веди...

Девушка как в воду смотрела – узкая дорога, если можно так назвать две прокатанные в траве колеи, которые местами прерывались глубокими ямами, иногда зарывались в серый комковатый суглинок на глубину чуть не в полметра, а в одном месте этот лесной тракт пересек брод по колено глубиной. И если бы «Гольф» не сел на брюхо еще раньше – уж тут-то его бы точно смыло.

За речушкой колея пошла вверх. Кладоискатели миновали небольшой взгорок, выше пояса заросший цветущими луговыми травами, а потом дорога устремилась под уклон, и в конце луговины обнаружилась скромно примостившаяся под частыми соснами часовенка с тремя слепыми, заколоченными окнами, следами от исчезнувшего крыльца и ржавой железной крышей. Уж здесь было видно точно: это не краска, это гниль.

– Все, – облегченно выдохнула девушка, – приехали. А вот это он и есть, Важский Боголюбский монастырь. Он же Трехсвятительский. В нем два храма стояло. Поэтому и называли либо в честь одного, либо в честь другого. Сама часовня поставлена на месте упокоения нетленных мощей Варлаама Важского. Однако ручаться не буду. Недавно ходили слухи о том, что организуется экспедиция для их поиска. Значит, по этому факту есть серьезные сомнения.

– Два? – удивился Евгений. – Я помню один.

– Совершенно запросто! – тяжело дыша, взмахнула рукой Катерина. – В этой обители церкви горели, как спички. Раз семь или восемь. Братия ссылалась на молнии, но уж очень все это... В общем, чем-то не по нраву Всевышнему постройки здешние прились. А учитывая то, что во сне ты бродил по Смутному времени, то людям тамошним было, наверное, не до того, чтобы погорельцев-то выручать. Война все ресурсы высасывала. И оружие, и людей, и деньги. Там ведь, почитай, все против всех рубились, от Дикого поля до Ладоги. Еще вопросы есть?

– Откуда ты все это знаешь?

– Сделала перед выездом «домашнюю работу». Теперь знаю все, что связано с этим местом. А ты хоть как-то подготовился?

– Некогда было.

– Тогда за мной не ходить!

Катя скрылась за часовней.

Оставшись один, Женя Леонтьев прошелся по лугу, коснулся рукой теплой стены часовни, огляделся.

Ничего знакомого. Ни далеко, ни близко. Возможно, сохранись тут храм, ворота, хоть какие-то остатки стен, он бы сориентировался. Хотя бы лес! Но лес по сравнению с тем, что был во сне, стоял непривычно и неправильно – через поле и довольно далеко от реки. Да еще совершенно лишняя часовня с толку сбивала...

С одной стороны – разумом молодой человек прекрасно понимал, что вспоминает сон, просто сон, и глупо надеяться, будто реальность подтвердит ночные видения. С другой... он он все равно чувствовал сильнейшее разочарование.

– Один шанс на миллион, – повторил Леонтьев слова своей спутницы. – То есть никаких шансов. Но все равно, глупо было не попробовать... Интересно, куда она пропала?

Для человека, отлучившегося в кусты по житейской необходимости, девушка отсутствовала уже слишком долго. Евгений, поколебавшись несколько минут, все же отправился узнать: не случилось ли какой неприятности? Обогнул часовню, миновал узкую полосу леса и... оказался на берегу реки. Катя, пользуясь полным безлюдьем, купалась. И, разумеется, голышом.

Молодой человек тихо отступил назад, вернулся на луг. После зрелища обнаженной купальщицы ему тоже показалось, что солнце припекает слишком уж сильно и что после долгого похода по глиняной колее он изрядно вспотел и запыхался. И вообще... Лето сейчас или нет? Река под боком, а он парится от жары!

К Катерине на отмель Евгений, разумеется, не полез. Зачем лишние скандалы, если тут вся река – один сплошной пляж? Прикинул, где заканчивается изгиб русла, пошел вправо и, пробравшись сквозь заросли сирени, оказался на просторном берегу в стороне от спутницы. Ни она его не увидит, ни он ее. Разделся, вошел в воду.

Река оказалась мелкой и теплой, как кофе в столовой Счетной палаты. Правда, немного светлее. Войдя по колено и поняв, что бояться нечего, Женя немного разбежался, нырнул, проскользил над самым дном, насколько хватило дыхания, вынырнул, проплыл саженками до самой стремнины, развернулся – и едва не хватанул воды от неожиданности: это был тот самый берег!!! Тот берег, вдоль которого он крался, чтобы напасть на польских пушкарей!

Дорога исчезла – вместо нее стояли молодые, полутораобхватные сосны. Но за ней, в том же месте, где зеленел кустарник четыреста лет назад, темнела зелень и сейчас. Видать, то ли земля была получше, то ли вода к поверхности ближе. Или родник какой пробивался. Крепость и расчищенное пространство возле нее тоже исчезли – но остался изгиб берега от низины слева и все выше, выше в правую сторону с хорошо очерченным обрывом. А по левую руку – сохранилась на своем месте топкая заводь с камышами.

Женя замер, вглядываясь в непостижимо правильный силуэт перед ним, благо глубина позволяла спокойно встать на ноги, потом закрыл глаза, попытавшись вызвать видение из сна, снова открыл.

Да, действительно: вот здесь они со стрельцами выскочили после залпа, вот до этой линии, ныне отмеченной одинокой березой, он добежал, отступая первый раз. На двадцать шагов дальше они застряли, окруженные лягами, но их спас снайперский выстрел престарелого монаха и частая пищальная пальба. Дальше его поволокли на спине, и...

На месте ворот печально раскачивались четыре огромные черные ели, словно отмечая углы надвратной церкви.

– Эй, бухгалтер! – из зарослей сирени вышла спутница и помахала рукой. – Не простудись!

– Катя, а надвратная церковь может считаться второй? – внезапно осенило Леонтьева. – Троицкой, или Боголюбской?

– Трехсвятительской, – поправила его девушка. – Точно не скажу. Но в девятнадцатом веке их тут стояло две. Больших.

– Так ведь до девятнадцатого века еще двести лет пройти успеет, – стал пробираться к берегу Евгений. – Монастырь несколько раз сгорит до того срока, заново отстроится, будет распущен в конце восемнадцатого века, а потом еще станет принимать больных на исцеление. Ты не могла бы принести что-нибудь интересное от дверей часовни?

– Чего-о-о? – изумленно вскинула брови девушка, потом посмотрела на одежду молодого человека и понимающе кивнула: – А-а-а... Так я просто отвернусь.

Леонтьев быстро вышел на пляж, оделся, решительно отправился к елям, протиснулся меж ветвей, не обращая внимания на царапины. Снова зажмурился, мысленно возвращаясь в сон, старательно вспоминая строения, что имелись в монастыре, и расстояния между ними.

– Ворота... – пробормотал он себе под нос. – От них к церкви... – Женя двинулся вперед неспешным шагом, как тогда, во время осады. Правда, теперь очень мешали деревья, их приходилось огибать, а значит, повторить шаги в точности не выходило. – Собор от меня слева... – вытянул он руку.

Девушка шустро шмыгнула в указанном направлении, проскользнула между соснами и ольхой, коврынула носком кроссовки песок, пожалала плечами:

– Ничего...

– Длины в ней было метров пятнадцать, – не обращая внимания, продолжил воспоминания Женя. – От дверей до жилища настоятеля мощенная булыжником дорожка.

Он медленно шел вперед, то открывая, то закрывая глаза, вспоминая каждую деталь. А спутница потрусилась вперед, опустилась на колени, вороша хвойную подстилку и песок под корнями. И внезапно подпрыгнула, издав радостный вопль:

– Камень!!! Камень под корнями! Черт, неужели это правда? Ты помнишь? Ты там был?!

– Дом с подклетью и погреб, – указал Леонтьев на взгорок всего полметра высотой, заплетенный кривыми, горбатыми корнями сосен, местами заросший серым мхом. Не зная, и внимания не обратишь. – Если он здесь, то башня...

Молодой человек повернулся к реке на сорок пять градусов, сделал полтора десятка шагов и остановился перед могучей сосной. Чуть постоял и уперся в нее лбом:

– Такого облома я не ожидал... Не выкорчевывать же ее теперь?

– Башня была большой? – подкравшись сзади, спросила в самое ухо Катерина.

– Метров пять, – слегка развел руками молодой человек.

– Нужно делать шурфы... Сетку, шурфы в доступных местах, а там посмотрим.

– Какую сетку? – не понял Женя.

– Ты какие лопаты брал?

– Какие лопаты?

– Ну, лопаты у тебя в машине саперные, складные или нормальные?

– У меня их вообще нет.

– Ты поехал копать клад без лопат? – Девушка вскинула руки со скрюченными пальцами, потрясла ими и как-то через силу, с немалым презрением выдохнула: – Бух-х-хгалтер-р!

– Можно съездить в магазин, – предложил Евгений, но спутница не слушала. Умчалась за сирень, вскоре вернулась с двумя небольшими дощечками. – Ух ты! Где взяла?

– Лучше не спрашивай, – посоветовала девушка, отсчитала десять шагов, остановилась, копнула песок между корнями. – Значит, так... Допустим, координаты точные. Башня пять на пять. Рисуем квадрат, отмеряем по метру на сторонах, проводим линии и копаем шурфы в точках пересечений. Сначала там, где нет деревьев и корней. Если ничего не найдем, предполагаем, что ты ошибся с местом, и увеличиваем сетку на пять метров в каждую сторону. Если

опять ничего, значит, ты развел меня как дурочку, можно уезжать. А будут находки – роём до победного конца. Даже под корнями. Помогай!

Они быстро сделали разметку, прикидывая расстояния на глазок, потом стали рыть ямки там, где удобнее. Песок поддавался легко, так что на глубину метра оба зарылись довольно быстро.

– Глубже пока смысла нет. – Девушка скинула футболку и джинсы, оставшись в одном купальнике, сдвинулась к следующему пересечению линий, решительно взялась за работу. Евгений же, подумав, вернулся к вековой сосне и попытался подрываться под нее со стороны реки. Получалось плохо – песок переплетали многочисленные мелкие корешки толщиной в палец. Ни порвать, ни выдернуть их было невозможно, а доска между корнями не пролезала. Пришлось отложить и выгребать песок из самого переплетения ладонями.

– А-а-а! – внезапно подпрыгнула в полном восторге Катя, набросилась на Женю, опрокинув его на спину, и крепко, со всей искренностью, поцеловала в губы. Потом закричала, вертя у него перед носом какой-то корявой и гнилой железкой: – Пряжка! Я нашла ременную «бабочку»!

– И что?

– Дурень, ты чего, не понимаешь? Она двойная, а не одинарная. И литая, не штамповка. Такие использовали для портупей, перевязей, берендеек. Она старше девятнадцатого века без вариантов! А может, и восемнадцатого! Ну, включайся! Здесь была крепость, стояла на этом самом месте. И кто-то из гарнизона когда-то ее потерял. Ну... – Катя схватила его за щеки и потрясла: – Ты угадал с местом! Понимаешь, угадал!

– Хреново, – ответил Женя. – После вещих снов у меня всегда случаются неприятности.

– Да ну тебя! – Катя отпрыгнула в свою яму и уже через минуту выдохнула: – Монета...

В этот раз она не прыгала, не кричала. Осмотрела внимательно, потерла пальцем:

– Новгородка... Со-овсем старая, век четырнадцатый или пятнадцатый. Но в принципе по датировке бьет в точку. Первый монастырь как раз серединой пятнадцатого века датируется. Слушай, а ведь тут, похоже, никто никогда не рыл?

– Угу... – Женя углубился в песок почти по локоть, когда, наконец, почувствовал плотную преграду. – Нашел.

– Чего? – заинтересованно переползла к нему спутница.

– Клеть плетеная. В ней бочонки с порохом от жары, искр и пуль вражеских прятали. От пожара возможного. Когда я перед вылазкой все припасы монахам на ворота отдал, настоятель должен был все самое ценное собрать и сюда спрятать.

– Так чего же ты сидишь?! – втиснувшись рядом, лихорадочно заработала ладонями Катерина.

Женя, чуть отодвинувшись, стал расталкивать вырытый песок по сторонам.

Примерно через полтора часа стараний раскоп удалось углубить на метр и расширить примерно на столько же, обнажив плетеную стенку клетки. В один из моментов Женя нажал на нее слишком сильно – прутья хрустнули, а когда молодой человек отдернул руку – вся стенка упала наружу, и из-за нее тоже посыпался песок, мелкий и серый. Корней в нем уже не было, гребни и гребни. Несколько минут – и перед кладоискателями обнажился ржавый железный угол.

– Мама, я сейчас умру! – простонала девушка. – Ручнаяковка, клепки-то, толщина почти четверть дюйма. Он даже не сгнил, его еще на тысячу лет хватит! Кажется, у меня температура. Женя, я потная-то, или меня бросило в жар?

Леонтьев молча продолжал выгребать песок, пока сундук не открылся целиком: из черных дубовых досок, неподвластных гнили, щедро окованный металлом, со врезным замком, он был около метра в длину, полметра шириной и столько же в высоту. А по весу – тянул килограммов на сто. Женя ворочал эту махину с большим трудом.

– Золото? – осипшим голосом спросила Катя.

– Да тут одного железа на два пуда, – постучал по одному из уголков Евгений. – Он даже пустой, и то неподъемный будет.

– Но ты посмотри на него. Это же сейф! В нем должно быть что-то ценное!

– Так я самое ценное сложить и попросил, – напомнил Леонтьев.

– Ну, чего ты там шарись? Давай откроем!

– Смотрю, нет ли чего еще, – ответил из ямы молодой человек. – А открывать его не надо. Вдруг сломаем? Ему четыреста лет, может и рассыпаться. Вдруг гнилой изнутри? В чем потом его содержимое понесем? Да и замок ломать придется. Потом не закрыть... Нет, похоже, больше ничего. До стенок дотягиваюсь, пусто. Если что и имелось, сгнило в труху.

Женя стал выбираться наверх, подталкивая добычу перед собой. Девушка старательно пыхтела, всячески помогая:

– Хоть бы ручки сделали, отшельники! Неудобно.

– Могли быть плетеными и рассыпаться, – предположил Леонтьев. – Машину бы сюда подогнать... Но с такой дорогой можно вообще транспорта лишиться. Придется нести.

– А давай его футболками закроем? Чтобы никто не увидел? – забеспокоилась Катя.

– Ты себе льстишь, – рассмеялся Евгений. – Твоей футболкой если телефон накрыть, и то углы наружу торчать будут. А тут такой чемодан! Давай, подхватывай снизу. Попробуем выволочь к часовне...

На луговину кладоискатели, хоть и с трудом, свою добычу дотащили. Там Женя догадался сделать волокуши из двух молодых березок, и дело пошло веселее. Молодой человек, впрягшись, тащил палки за собой, а Катерина следила, чтобы сундук не свалился в сторону. Таким образом за час они одолели половину пути с главными преградами – бродом, колеей и канавами. Потом Леонтьев сбегал к церкви за машиной, подогнал ближе, и они перегрузили найденное сокровище в багажник.

– Ну, давай-то, не томи! – взмолилась Катерина. – Открывай!

– Не знаю, правильно ли, – пожал плечами Женя. – Все же археологическая находка, специалисты вскрывать должны.

– Да хорош выпендриваться! – зарычала в нетерпении девушка. – Ну, не мне же его расковыривать? У меня маникюр!

Насчет маникюра молодая кладоискательница спохватилась, конечно же, поздно. Однако Женю Леонтьева и самого мучило вполне естественное любопытство – не каждый день доводится найти тайник, чуть ли не самолично зарытый во сне четыреста лет назад. Поэтому, буркнув для очистки совести еще пару слов о том, что так делать нельзя, он все-таки достал брезентовую скатку с инструментом, развернул, выбрал из комплекта разводной ключ, отвертку с прямым шлицом, втиснул жало в щель над замочной скважиной, с размаху ударил по рукояти. Древний механизм сдался от первого удара: послышался слабый хруст, и крышка резко дернулась вверх, освободившись от сломанного язычка. Евгений убрал инструмент, заглянул на обратную сторону и, как всякий нормальный человек, пшикнул через трубочку «вэ-дэшкой» на ржавые петли:

– Нужно подождать минут десять, пока гниль разъест, – кинул он флакон обратно в багажник.

– Иди ты к лешему! – не выдержала Катя и сама рывком подняла крышку.

Россыпай пиратских дублонов внутри, увы, не оказалось. Здесь лежало несколько книг, бумажные свитки, сшитые тонкими ремешками и зажатые между резными досками самодельные тетради, еще какие-то дощечки, подсвечники, бутылки, несколько фарфоровых чашек и заварной чайник.

Впрочем, Катя, похоже, считала совсем иначе. Трясущимися руками она извлекла толстенную тетрадь в деревянном переплете, осторожно коснулась ее губами:

– Господи, спасибо тебе за все! Берестяная книга! Таких во всем мире сотни полторы осталось, не более. Даже неважно-то, что в ней написано. Пусть даже цены на репу в соседнем уезде – все равно сокровище. Псалтырь шестнадцатого века! Царский печатный двор. Молитвослов. Тоже шестнадцатый. На досках, смотри, иконы. Все без рамок. Наверное, монахи дешевые списки поставили в дорогие оклады, а самые ценные образа, старые и намоленные, закопали. Это чтобы дикари, если монастырь-то захватят, приняли иконы в серебре и золоте за дорогие, а настоящее сокровище не искали. Денег-то, однако, ни монетки нет. Золото прятать не стали. Только книги, иконы и грамоты... – Девушка взяла один из свитков, осторожно развернула. – Купчая... Еще купчая... Дарственная... Понятно, монастырь оберегал права на земельные владения. А это какой-то список.

– Список? Там люди или дети числятся? Дай посмотреть!

– Да на, – пожал плечами Катя, передавая свиток, а сама снова углубилась в переборку книг. – Молитвенник, Жития... Ух ты, еще одна берестяная книга! Рукописный список молитвенника!

Евгений Леонтьев тем временем прокрутил грамоту.

*Андрей и Иван Битяговские
Серафим Бирдукин-Зайцев
Бражник Дишин
Семен Засекин
Регета Жабин
Остан Кореев*

Имена, имена, имена. Они ему ничего не говорили. С равным успехом это могли быть и школьники таинственного интерната, и просто должники по налогам или список умерших, положенных к поминовению.

– А подсвечники латунные, – покрутила в руках простенький трехрожковый светильник девушка. – Либо они ценны потому, что принадлежали святому, либо настоятель по неграмотности за золотые принял. Теперь уже не узнать. Теперь это просто средневековая латунь. Но в любом случае одни только книги самое меньше на сто тысяч евро потянут. Даже если бы этот сундук был набит долларами, он и то стоил бы на порядок меньше. Блин, парень... Мы богаты! Мы теперь миллионеры. Хотя бы и в рублях.

– Все это нужно отдать в музей, – твердо ответил молодой человек, сворачивая список и бросая его обратно в сундук. – Это историческая ценность, она подлежит исследованию.

– К-к... Как?.. – натурально поперхнулась словами Катерина. – М-м-музей? Ты чего, совсем свихнулся, парень? Кому оно там нужно на хрен? Кто его там будет смотреть?

– Все клады принадлежат государству, – напомнил Евгений.

– Ты совсем сбрендил? – замотала головой девушка. – Они там все это в запасник бросят, не разбирая, и гнить будет до скончания веков, пока плесень все не сожрет! Кому в музее нужны молитвословы? Их один Иван Грозный для церковных школ двадцать тысяч нашлепал, ими все архивы забиты! Для археологов это мусор!

– Ты сама только что говорила, что это ценность...

– Это для любителей ценность!!! – взвела Катерина. – Любой коллекционер за такую книгу сотню тыр, не моргнув глазом, отдаст, под стекло в инертный газ поместит и пылинки каждый день сдувать будет. А твои музейщики в сырых подвалах эти книги грудями сваливают. Нет у них места для подобных экспозиций, нет! Девяносто девять процентов находок археологов по подвалам в небытии тухнет! Только частник свое сокровище беречь и выставлять станет. Госчинушам на это наплевать! Сгнобят, испортят или пропьют! Хорошо, если кто украсть потом сможет и в хорошие руки отдать. А иначе – пропадут!

– Любая историческая ценность принадлежит науке и государству, – невозмутимо отрезал Женя. Долгая работа аудитором уже давно выработала у него иммунитет к любым аргументам и доказательствам. Логика и здравый смысл – это категории житейские. А когда сталкиваешься с серьезными ценностями, значение имеет лишь Его Величество Закон. – Клад должен быть исследован и оценен экспертами. Они дадут заключение...

– Иди ты в жопу со своими экспертами! – искренне пожелала ему спутница. – Для них это дрова и макулатура ценой четыре рубля кило! А если записи в книгах с инструкцией по датировке не совпадут, так их вообще в печку отправят, как подделку. Первый раз, что ли? Каждый раз, когда какая-нибудь погань проникает на Русь, первым делом она уничтожает архивы и иконы, разве ты не в курсе? «Дракона» Шварца читал? Блин, мы это вместе нашли! Половина моя!!! – не выдержав, заорала она.

– Двадцать пять процентов от стоимости находки... – попытался процитировать закон Евгений, но девушка его не слушала:

– Ты кретин, дебил, полено стоеросовое! Сам ни хрена не получишь и другим не даешь! Сотни людей за такую находку душу продадут, а ты ее в мусор выбрасываешь! Совесть ты свою продал! Память предков продал! Мозги свои пропил!

Тут в кармане Леонтьева завибрировала трубка, и он, не глядя на имя абонента, просто достал ее и поднес к уху:

– Да, я слушаю!

– Евгений Иванович, вы меня разочаровываете, – с печалью сказал ему знакомый голос. – Я полагал, мы хорошо поняли друг друга, и вы больше не станете интересоваться тайной князя Романа Галицкого. Вам что, мало пуль в автомобиле, взрывчатки под дверью и сотрясения мозга? Вам обязательно хочется, чтобы пуля попала вам в голову, а мина взорвалась, когда вы откроете дверь?

– При чем здесь Роман Галицкий? – отвернувшись от беснующейся девушки, отошел дальше в поле Леонтьев. – В меня стреляли из-за моста в Орловской области, а не из-за допотопного князя!

– Как вы должны были догадаться, Евгений Иванович, я об этом прекрасно знаю, – ласково ответил ему анонимный собеседник. – И могу уверить, что любительских ошибок мы не повторим. Вы ведь нашли сокровище? Я вам очень сочувствую. Вы подписали себе приговор.

– Откуда вы знаете про клад? – похолодев, переложил трубку от уха к уху молодой человек.

– Глупый вопрос. Сотовый телефон у вас в кармане. Мы знаем, где находитесь вы и где тайник, так что определить цель вашей поездки совсем не сложно.

– Но вы никогда не говорили о князе Галицком! – закурился на месте среди зонтиков белоголовника Евгений. – А вопросов школы я не касался!

– Не держите окружающих за дураков, Евгений Иванович. Вас обо всем предупреждали. Вы перешли черту.

– Тогда зачем вы звоните?!

– Вы мне всегда были симпатичны, Евгений Иванович. Поэтому хочу дать вам последний совет. Оставайтесь там, где стоите. Умрете быстро и безболезненно. Иначе будет хуже.

– А я рискну! – разозлившись, крикнул в трубку Женя и отключил телефон.

– Князь Роман Галицкий? – вкрадчиво переспросила его девушка. Оказывается, она прекратила истерику и внимательно подслушивала разговор.

– Ну да, а что? – склонил голову набок молодой человек.

– Д-да!!! – подпрыгнув, в полном восторге выбросила кулак к небу Катерина. – Да, я знала, знала! Я догадалась!

– Что, о чем?

– А вот хрен! Фига, фи́га, фи́га! – изобразив сразу две фигуры из трех пальцев, ткнула ими в сторону Леонтьева девица. – Не скажу! Обойдешься! Вот удавись, ничего не получишь. Как ты со мной, так и я с тобой! Понял? Хрен тебе, а не тайна князя Галицкого! – И тут же поправилась: – Отдашь половину клада, тогда скажу.

– Ты помнишь, куда ты меня послала? – с силой захлопнул крышку багажника Евгений. – В жопу! Ну, так я поехал. Ты со мной или останешься на природе?

– Козел! – в сердцах выдохнула Катенька, но в машину села.

Через полчаса они остановились возле гостиницы. Женя Леонтьев, чтобы выкопанный на берегу Ваги сундук не мозолил глаза прохожим, заехал поглубже за стену боярышника, благо никаких заграждений там не было, втиснувшись между стеной дома и кустами. Для пущей подстраховки накрыл клад резиновыми ковриками из-под ног, а самые ценные, со слов девушки, находки забрал с собой. Иконы и берестяные книги – для науки, и непонятный пока список – для себя. Раз уж все равно приговорили, нужно попытаться узнать напоследок, из-за чего хоть сыр-бор разгорелся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.